

населения лишним комиссионером, отнимающим у него часть заработка. Для японцев же оно по-прежнему оставалось средством для получения сырья из недоступных им внеконвенционных вод.

«Такое политическое и моральное немислимое положение заставляет настаивать на том, чтобы наш советский рыбоконсервный завод был построен в этом районе как можно скорее, экономически эта мера оправдывается вполне... Наличие завода закрепит на нем эту важнейшую командную высоту, чрезвычайно поднимет авторитет советской власти на Камчатке и избавит от крайне тяжелого морального положения работников государственной рыбной промышленности» [69, л. 15].

Располагая одним речным и двумя морскими участками с выловом 2 500 000 шт., будущий РКЗ, имеющий шесть линий с нормой выработки в день 4 800 ящ., мог за день обработать 72 000 шт. лососей (из расчета по 15 рыбин на ящик). Такая пропускная способность была недостаточна для переработки всего улова, особенно во время рунного хода. Поэтому остальную рыбу предполагалось солить на участках или сдавать ее на японские заводы. В последующем, с устройством при заводе холодильника, избыточный сырец можно было бы накапливать в нем, а затем спокойно, без спешки использовать его.

За время рунного хода нерки завод мог произвести 48 000 ящ. и еще 43 330 ящ. после него. Из кижуча, который можно было полностью обработать во время его рунного хода, могло получиться еще 26 000 ящ., то есть всего за сезон завод должен был дать 117 330 ящ. Кроме этого, 200 000 шт. кеты, выловленной на реке, и оставшаяся рыба с морских участков (156 000 шт. нерки и 60 000 шт. кеты) могли быть засолены для японского рынка.

Штат будущего завода оценивался в 791 чел., из которых двое должны были работать постоянно (зимние сторожа), а остальные — сезонно. Из их числа на промыслах должны были находиться 168, а на заводе — 621 чел. В число промысловых рабочих входили 51 ловец, 10 курибанов (береговых рабочих по спуску и приему кунгасов), 51 обработчик улова, 15 катерников, два механика водокачки и лебедки, два кочегара и вспомогательный персонал. Всех их необходимо было нанимать в Японии. Предполагалось, что на морских участках будут работать всего трое русских: бондарь, кухарка и сторож.

Постоянных отечественных служащих предусматривалось восемь человек: управляющий, его заместитель, бухгалтер, три счетовода, заведующие морскими участками, транспортом и приемкой рыбы. Кроме них, намечалось иметь пять-шесть сезонных служащих:

приемщиков рыбы на речных участках и помощника заведующего морским участком № 243. Японских служащих требовалось четверо: сендо участков № 241, 243, переводчик и фельдшер. Месячный заработок японского рабочего определялся в 180 руб. Из числа рабочих завода 77 чел. должны быть квалифицированными, среди них шесть мастеров, три икрянщика, по десять кладовщиков и механиков, пятнадцать катерников, два специалиста тукового производства, четыре токаря, два кузнеца, литейщик и формовщик, три плотника, маляр и кровельщик и другие.

Вначале при расчете требуемой численности рабочих, обслуживающих консервные линии, рекомендовалось принять норму, сложившуюся на японских заводах, то есть 80 чел. на линию. Однако с учетом отсутствия в Приморье (откуда впоследствии предполагалось завозить отечественную рабочую силу) достаточного количества обученных консервщиков, было решено увеличить их число до 90 чел.

Из 540 производственных рабочих две трети должны были иметь советское подданство, а остальные — японское, причем последние должны были играть роль наставников для отечественного персонала. Так планировалось подготовить кадры для будущего советского рыбоконсервного производства [69, л. 16].

По расчетам Хлыновского, себестоимость будущей продукции завода и промыслов могла составить 1 813 168 руб., а с учетом расходов на фрахт и реализацию — 1 847 222 руб. 28 коп. Основные статьи затрат отражены в табл. 6.8.

Таблица 6.8

Статья затрат	Сумма затрат, руб.
Покупка сырца	305 000
Приобретение соли (20 000 пудов)	18 766
Затраты на тару (жесть и ящики)	752 761,46
Топливо различное, 3 222 т	98 100
Провоз рабочих и служащих	32 690
Торговые расходы (фрахт, страховка и пр.)	34 054,28

Потребность в топливе на сезон оценивалась по имеющимся опытным данным. Керосина для пяти катеров завода (с моторами мощностью по 35 л. с.) требовалось 5 250 пудов, для катера морского участка № 243 (35 л. с.) — 1 050, для речных катеров (моторы по 21 л. с.) — 1 920, для освещения морского участка с жилыми постройками — 16. Катер морского участка № 241 (35 л. с.) нуждался в 1 050 пудах бензина, электростанция завода — в 2 000 пудах нефти. Угля для производственных нужд

завода требовалось не менее 2 000, для лебедки морского участка — 75, для отопления и варки пищи — 605 т.

Стоимость проезда людей в один конец от Владивостока и Японии до Камчатки по ставке СТФ составляла 110 руб. за билет второго класса для служащего и 17 руб. за место в трюме для рабочего [69, л. 20].

Стоимость пуда чавычи и икры русского посла в 1925 г. во Владивостоке составляла 8 и 15 руб. соответственно. Консервы из нерки в Лондоне стоили 55—57 шиллингов за ящик (по результатам продаж фирмы Ничиро), поэтому предполагалось, что по умеренной цене в 18 руб. за ящ. нерки и 15 руб. за ящ. кижуча, они будут проданы непосредственно на промысле. Остальную продукцию намечалось реализовать в Японии по установленным ранее ценам: 60 коп. за штуку нерки бочечного посла, 52 коп. за бочечную кету и 50 коп. за кету засоленную сухим способом. Пуд икры японского посла оценивался в 4, тука — в 1,5, а рыбьего жира — в 3 руб. В конечном итоге смета предусматривала прибыль по заводу и промыслам в сумме 625 000 руб. [69, л. 21].

Приведенные выше соображения Хлыновского частично были использованы при составлении технического проекта завода и определении его планового задания. Однако многие фактические показатели построенного РКЗ существенно отличались от его рекомендаций.

Решением ВСНХ РСФСР 30 декабря 1926 г. ОКАРО было слито с другой организацией — Дальгосрыбтрестом, чье название перешло к новому объединению. По плану на 1927 г. Дальгосрыбтрест (ДГРТ) должен был работать в Усть-Камчатске на двух речных и одном морском участках. Кроме этого, планировалось начать эксплуатацию еще одного морского промысла, ранее сдававшегося фирме «Тайхоку». В этом году ДГРТ приступил к постройке своего РКЗ.

Себестоимость продукции района в 1927 г. должна была составить 2 236 тыс. руб. Из этой суммы на долю РКЗ приходилось 82,4 %. Предполагалось, что его постройка и слияние двух организаций в одну позволят выпустить в 1927 г. продукции на 30 % больше выработки ОКАРО за три года его деятельности на Камчатке [73, с. 35].

Строительство завода, проект которого разработал крупный специалист по рыбконсервному производству — норвежский инженер И. С. Саген, началось в апреле 1927 г. Возведением зданий руководил инженер Николаев. Координировал работу по созданию предприятия находившийся в Усть-Камчатске член правления ДГРТ В. Л. Бурыгин.

Оборудование заказывалось в США через Амторг на фирмах «Астория» и «Пакинг Корпорейшн», расположенных в Сизтле. Его установкой,

наладкой и оказанием технической помощи занимались американские инструкторы Киорк, Ре, Шоне, Соренсен, Барк и Родланд.

Стандарты на консервы, производимые первым государственным РКЗ «были полностью приняты испытанные на практике в Америке». Этому способствовали близость Камчатки к Аляске, однородность сырья (тихоокеанский лосось), широкий спрос на иностранном рынке на рыбу, консервированную «по американскому способу», и опыт по их выпуску, накопленный отечественными частными предпринимателями.

15 апреля, в разгар строительства, на заводе произошел сильный пожар, сопровождавшийся человеческими жертвами [75, № 29]. В огне жилого барака погибли несколько японских рабочих.

18 мая 1927 г. на первом заседании партбюро заводской ячейки ВКП(б) В. Л. Бурьгин докладывал о ходе работ. По его словам, до середины мая стройка шла крайне медленно, так как лед и штормовая погода не позволяли разгружать пароходы «Астрахань» и «Санта Анна», доставившие оборудование и материалы. Лед на р. Камчатке вскрылся во второй декаде мая. Задержка судов достигала 39 суток. К 18 мая с них удалось «выхватить» машины, материалы, паровые котлы и автоклавы, после чего работа на стройке закипела по 15 часов в сутки. По заявлению американцев, при таком темпе работ завод мог быть готов через три недели, к началу рунного хода рыбы. При разгрузке котлов один из них, стоивший 5 000 руб., был потоплен. Консервные машины установили сравнительно быстро, однако трансмиссии для них никак не могли доставить на берег. Работа по сооружению производственных зданий сдерживалась отсутствием кровельных гвоздей и шайб, которые из-за плохой погоды не могли сгрузить с пароходов. Не хватало леса: брусьев, теса и досок. Дополнительное количество лесоматериалов Бурьгин выписал из Владивостока, их ожидали на «Ставрополе».

Одновременно с постройкой производственных зданий сооружались жилища для рабочих. Отечественные плотники возводили бараки для русских, а японцев решено было поселить в бараки их же постройки, так как «наши плотники им не угодят». Из бытовых помещений недоставало кладовых, добротных уборных, рабочие размещались скученно. «В хороших условиях рабочие будут жить только в 1928 г.», — утверждала администрация промысла (от «двухнарной системы», то есть от размещения спальных мест в бараках друг над другом, удалось отказаться только в 1929 г. и то частично).

При вербовке рабочей силы во Владивостоке был допущен ряд промахов. В первую очередь, не удалось нанять достаточного количества

рабочих. Технического же персонала, с целью его практического обучения, специально было привезено больше, чем требовалось.

Работа американцев администрацию устраивала. Они принимали активное участие в установке машин как руководством, так и физически. Иностранцы «спецы» не терпели возражений, требовали немедленного исполнения своих распоряжений и привыкли к иному образу жизни, нежели русские, в результате чего администрации приходилось «ухаживать не только за ними, их женами, но и их собаками». Со стороны некоторых из них наблюдались факты грубого обращения с рабочими, один американец даже избил заводского ученика. Ему разъяснили советские законы и предложили расчет.

Заводские техники Луцков, Улатов, Степанов в большинстве работ не уступали «спецам», за исключением регулировки машин, в особенности консервных, — «где наши отстали: американцы сделают за час, наши потребуют, возможно, несколько дней, но все же сделают» [76, л. 3, 14].

Впрочем, отечественный инженерно-технический персонал не всегда находился на высоте. Так, приглашенный из Москвы инженер Лейман не справился с установкой труб и был отправлен на постройку узкоколейки. Техник Нейман грубо обращался с рабочими и, будучи регулярно пьяным, мешал ходу работ. Его дела решили передать инженеру Николаеву, а самого отправить во Владивосток [76, л. 6].

В связи с ожидаемым прибытием японцев была усилена охрана завода. До этого ее несли четыре русских и два японских сторожа. Опасаясь недоброжелательного отношения японцев к строящемуся РКЗ, в котором они видели серьезного конкурента, его руководство решило принять дополнительные меры безопасности. Для этого Бурьгин просил прислать из Владивостока нескольких сотрудников ГПУ. Во вторую очередь, по мнению администрации, следовало исключить контакты между японцами, приезжающими на советский завод, и работающими на РКЗ фирмы Ничиро. Для этого их основную массу сразу после прибытия планировалось отправить на морские промыслы, оставшихся 70 чел. разместить за заводом, ближе к устью реки в специально построенном временном бараке, а жилье уехавших снести.

Третьим шагом стало установление ночных дежурств между бараками советского и японских заводов. Наружная охрана также усиливалась: дневной караул теперь должны были нести два сторожа — русский и японец. Кроме этого, администрация промысла обращалась к местному ГПУ с просьбой учредить при заводе милицейский пост.

И наконец, всех непричастных к заводу, но проживающих на кошке: местное население и советского подданного японца Сасаду — являвшегося, по мнению администрации, «по-видимому, ничем иным как платным согладатаем Ничиро», решено было выселить [76, л. 4].

20 мая 1927 г. начались постоянные ночные дежурства бригадами, состоявшими из партийца и комсомольца. «Администрация промысла не будет возражать против оплаты из расчета поденной зарплаты партийцу, не вышедшему на работу после ночного дежурства. Этот расход, безусловно, окупится».

Контроль за ходом работ, наблюдение за настроением рабочих и деятельностью технического персонала возлагались на членов ВКП(б), связанных с бюро партийной ячейки и администрацией промыслов в лице Бурыгина и Волкова. Техническую часть курировал Семенов, строительную — Савостьянов, барак рабочих — Мешков, а охранную команду — ее начальник Надеждин [76, л. 5].

Вопреки ожиданиям, завод до начала рунного хода рыбы пустить не удалось, из-за чего он не смог переработать выделенное ему количество нерки. Поэтому выловленные 700 тыс. шт. лососей продали японцам. Дальрыба разрешила дополнительно поймать еще 500 тыс. В результате вместо плановых 80 тыс. ящ. консервов из-за позднего пуска и неопытности рабочих к 30 июня выработали только 30. При этом значительное количество банок оказалось с браком.

Местное население, сдававшее рыбу, зачастую вовремя не извещало о прекращении ее приема, чем вызывало его неудовольствие и подрывался авторитет государственного предприятия [76, л. 14].

Первые дни действия завода показали, что люди на нем были расставлены неправильно и использовались неэффективно. Рабочее время расходовалось нерационально, наблюдалось своевольное перемещение работников. Казалось, что на предприятии имеется избыток рабочей силы, однако вскоре выяснилось, что это не так.

Значительная часть рабочей силы была привезена из Японии. Ее использование для отечественных частных хозяев или приказчиков было привычным. Они обычно не вмешивались в отношения между японцами. Руководил деятельностью японцев сендо — опытный специалист, являвшийся для рабочих непререкаемым авторитетом.

В соответствии с советскими законами о труде, заводской комитет решил заключить с японцами коллективный договор. Он устанавливал восьмичасовой рабочий день, еженедельный день отдыха, оплату 2 иены в случае работы в выходной день, дополнительную плату в

размере 1 сены за пуд на погрузочных работах в сверхурочное время. Через выборного артельщика вводилась выдача продуктов питания, мыла и спецодежды. Рабочим вручались расчетные книжки.

10 июля было проведено общее собрание японцев. На нем присутствовало около 200 чел. Собрание постановило прекратить производ японской администрации по отношению к своим рабочим и их избивание, улучшить питание и жилищные условия, для чего просить русских рабочих временно, до постройки барака, уступить японцам свое помещение. Кроме этого, решили не продавать предметы первой необходимости через сендо, а передавать их в руки нуждающихся. На собрании выяснилось, что сендо считал рабочим куичи (премии) не по 50, а по 40 иен со 100 коку (1 коку примерно 1,5 ц), а при расчете с ними за выданные товары делал наценку в свою пользу.

Управляющий заявил завкому о невозможности выполнения ряда требований из-за боязни остаться без японской администрации. Последняя против установления заработной платы на советский манер не возражала, но по поводу применения законов о труде решила обратиться к своему правительству. В то же время она резко выступила против введения дней отдыха, рабочих собраний и посещения японского барака членами завкома. «Вообще хотят, чтобы все было по старому, без применения наших законов о труде», — констатировал завком.

Первый день отдыха был «проведен в жизнь» 10 июля в разгар путины и встретил большое сопротивление японской администрации. На следующий день пьяный сендо Савада приехал с морского участка и избил в бараке выборного представителя рабочих Осаву. Затем в лакировальном отделении он ударил еще одного японца, а при отъезде заявил им, что «бил и бить будет». Вечером того же дня помощник сендо побил большого. Рабочие были возмущены и, требуя принятия мер, заявили, что объявят забастовку.

Завком, проведя с ними переговоры, предотвратил ее. Теперь основным требованием японцев остались извинения сендо перед избитыми. Заводоуправление вызвало японскую администрацию и потребовало принести их. В ответ сендо отдал распоряжение своим рабочим не выходить на работу, заявив, что договоренность о применении советских законов о труде не достигнута.

Завком вновь разъяснил представителям рабочих необходимость продолжения работы, которая после этого возобновилась. Японская администрация, утратившая авторитет среди соплеменников, извинилась за побои, но заявила, что трудиться в таких условиях не будет.

Заводоуправление и завком оказались перед выбором: остаться без сендо или сохранить старый порядок, не применяя коллективного договора. Окончательно решили отправить японскую администрацию на морской участок, оставив ее работать там до окончания сезона.

Отъезжая, она распустила слух, что рабочие не будут получать без нее зарплату и призывала их ехать с ней, а также пыталась увести с собой заводской катер «Кит». Завком вновь собрал общее собрание, на котором управляющий заводом Волков разъяснил, что после отъезда сендо японцы будут получать зарплату через ДГРТ.

С сендо уехало сорок рабочих, часть из них потом вернулась. На РКЗ остались 194 чел. разных специальностей и восемь представителей старой администрации. Завком совместно с японцами назначил новое руководство из числа ранее работавших на подобных должностях, и представил их на утверждение управляющему заводом. Работа продолжилась. На первых порах у новой администрации возникали сложности в общении с рабочими, из числа которых она вышла, но затем все встало на свои места. Японцам объявили заработную плату, куичи и оплату за выгрузку, распределение которых теперь должно было происходить при участии их представителей [77, л. 72—73].

Несовершенство повременной оплаты, установленной коллективным договором, снижало производительность труда и вызывало увеличение рабочего дня за счет сверхурочных часов. Договор с японцами определял разницу в зарплате труда рабочих одних и тех же квалификаций: на промыслах действовала премиальная система куичи, на заводе — сдельная повременная плата за сверхурочные часы на хозяйственных и погрузочных работах. Это также неблагоприятно отражалось на настроениях японцев и могло служить почвой для развития конфликтов [78, л. 15—16].

Старая японская администрация, уехавшая на морской участок, 19 июля прекратила работу и потребовала отправить ее на родину. В дальнейшем кризис разрешался при участии японского консула в Петропавловске С. Огата [76, л. 26].

30 июля 1927 г. на заводе состоялось первое производственное совещание, подведшее итоги строительства и предварительные результаты работы. С докладом о техническом состоянии предприятия выступил главный инженер И. С. Саген. Он заявил: «Завод построен по последнему слову техники. Все машины заказаны на одном из лучших американских заводов. Не установлены только потрошительные

машины-автоматы “железный китаец”, но эти машины имеют свой недостаток — они мнут рыбу, если она немного мягкая».

Американский инженер Киорк и другие «спецы» были удивлены темпом строительства. «Наш завод построен очень быстро, время постройки можно считать рекордным. Механики и рабочие, строившие завод, приложили все старания, поэтому завод удалось построить вовремя. Русские рабочие, а в особенности женщины, быстро привыкли к работе. Для первого сезона количество вырабатываемых консервов достаточно и удовлетворительно по качеству». Иностранным инженерам казалось необычным и то, что на производственном совещании присутствовали рядовые труженики, которые высказывали свое мнение по различным вопросам.

Завод был построен всего за три недели вместо предполагавшихся двух месяцев. От проекта он отличался тем, что из-за недостатка рабочей силы было установлено всего шесть консервных линий вместо девяти. Для обслуживания девяти линий требовалось минимум 450 чел., а в наличии их было всего 329. На заводе не хватало квалифицированных рабочих рук: некомплект коচেгаров, смазчиков и других специалистов составлял 40 чел.

Все техническое оборудование предприятия оценивалось в 150 тыс. долларов США или 300 тыс. руб. Машины и станки, за исключением потрошительных, являлись вполне современными. Для повышения эффективности механизмов было решено к концу сезона внедрить в них усовершенствования, применявшиеся на японских заводах.

Паровые котлы, несмотря на потерю одного из них, обеспечивали нормальную работу оборудования, однако вскоре у них обнаружилась течь. Ее причиной являлись частые пуски и остановки, вызванные неравномерной подачей рыбы: при ее отсутствии котлы останавливались и остывали, а при поступлении рыбы в них приходилось слишком быстро поднимать пары. Резкие теплосмены нарушали плотность соединений.

Расход топлива оказался выше расчетного на 5 % из-за отсутствия наружной теплоизоляции как самих котлов, так и автоклавов, в которых стерилизовались консервы. Кроме этого, было отмечено, что на одинаковый объем произведенных консервов в разные дни расходовалось различное количество угля. Причиной этого стало неравномерное давление пара, обогревающего автоклавы, поддержанию которого с этого времени стали уделять особое внимание.

Заведующий производством Д. С. Елисеев привел следующие сведения о работе предприятия. На 30 июля оно обработало 980 тыс. шт.

лососей, из которых приготовило 57 000 ящ. консервов и 1 700 пудов икры. Консервные банки, изготовленные во Владивостоке, имели большой процент брака: полуфунтовые — 2 %, фунтовые — 2,5 %. Банки повреждались также на мойке и в складе: при снятии с транспортера рабочие бросали их, и они мялись. Работа закаточных машин осложнялась тем, что отсутствовали станки для проверки качества тары. Банки с продукцией мялись и из-за того, что на автоклавах недоставало людей: имевшиеся поднимали вагонетки ломami и деформировали их.

Бездействие трех закаточных станков на производительности завода не отразилось, так как их пропускная способность оказалась выше предполагаемой (110 банок в минуту вместо 75). Один из действующих станков вышел из строя из-за неправильной смазки, так как в результате плохого учета материалов и инструментов вместо смазочного масла в него попало растительное. Производительность резчиков и мойщиков составляла 2—3 рыбыны в минуту и значительно уступала имевшейся на японских РКЗ. На мойке рыбы использовалось до 35 чел., которые не всегда успевали за разделочными машинами. В среднем, на один ящик консервов расходовалось 16 лососей. Это заметно превышало расход рыбы на соседних заводах фирмы Ничиро.

В конце июля консервное производство остановилось, завод начал лакировку консервных банок, завершив ее к началу сентября. Число завезенных банок значительно превышало возможности предприятия, а оставленные на следующий год они могли заржаветь. Лакировка должна была защитить их от коррозии на время зимнего хранения. В ее ходе много сил тратилось на протирку банок от соленой воды, которой их промывали. Расчетной производительности лакировальных машин (1 000 ящ. в сутки) достигнуть не удалось [77, л. 80—85].

Во второй половине августа предприятие стало готовиться к закрытию сезона. 22 августа началась погрузка консервов на пришедшие пароход СТФ «Индибирка» и японское судно. В ее ходе произошло очередное недоразумение, связанное с недостаточным информированием рабочих об условиях оплаты за работу. «У рабочих создалось мнение, что подача ящиков из склада на элеватор (транспортер. — С. Г.) должна быть оплачена как погрузочная работа. Надеясь заработать, наиболее молодая и работоспособная часть рабочих начала усердно работать, дабы оставить эту работу за собой. Но когда... сказали, что эта работа не погрузочная, а хозяйственная и никаких добавок к зарплате не будет, то рабочие, проработав восемь часов усиленным темпом, заявили, что благодаря усталости продолжать работу не могут и ушли с работы» [76, л. 41].

Администрация завода и завком решили, что началась забастовка, переписали оставивших погрузку, думая «припугнуть» их, но это не действовало. Утром 23 августа администрация объявила о том, что за подачу ящиков из склада на транспортер будет доплачиваться по 2 коп. за ящик. Погрузка продолжилась. Через некоторое время среди рабочих распространился слух о том, что доплаты не будет, и начались разговоры о том, что надо бросить работу.

Чтобы не задерживать пароход, ячейка ВКП(б) решила привлечь к погрузке членов завкома, всех комсомольцев и партийцев, а также заводскую охрану. Беседы с рабочими и разъяснение того, что в соответствии с коллективным договором оплата производится только за съемку ящиков с транспортера на берегу, дали положительный результат. На будущее же решили «проработать вопрос» о возможности сдельной оплаты работы в складе [76, л. 41].

2 сентября в Усть-Камчатск пришел «Ставрополь». 4 сентября первая смена рабочих до обеда заканчивала лакировку оставшихся банок и завершала погрузку ранее прибывшей «Индикирки». Рабочие второй смены готовились к отправке во Владивосток и получали расчет. После обеда рассчитывалась первая смена. Вечером рабочие, нанятые во Владивостоке, иностранные специалисты, заводская охрана и артель строителей сели на пароход. «Индикирка» с пассажирами и 12 тыс. ящ. консервов ушла на следующий день.

Для полного свертывания завода на нем остались сорок русских рабочих, японцы и администрация в составе Бурыгина, Волкова и Сагена. Они догрузили японский пароход. Остаток консервов принял «Ставрополь», он же взял последних рабочих. На судах для них организовали кухни, имелся запас продуктов. Кроме этого, часть рыбных консервов была выдана отъезжающим на руки. Для охраны заводского хозяйства на зиму остались два вновь нанятых сторожа [76, л. 43].

Постройка РКЗ № 1 стоила 1 300 тыс. руб., первый сезон его работы дал выручку в размере около 1 900 тыс. руб. Так был сделан «первый крупный шаг по пути индустриализации Камчатки». Отыне на полуострове существовал «большой советский завод».

Из общего количества лосося, добытого в Охотско-Камчатском крае в 1927 г., оценивавшегося в 10,5—11 млн пудов, в консервы было переработано не более 1,2—1,3 млн. В то же время в США всего 10 % улова засаливалось, а 90 % шло на изготовление консервов. По американским данным, в 1927 г. на Камчатке было изготовлено 817 835 ящ.

продукции. Ее основное количество — 701 994 ящ., то есть 85,8 % — пришлось на долю фирмы Ничиро [79, л. 71, 78].

4 июня 1927 г. было организовано АКО. В его состав вошел завод ДГРТ, получивший название «РКЗ № 1 АКО». В сентябре 1927 г. АКО признало необходимым иметь в США и Японии при Амторге и торговом представительстве своих работников, при помощи которых приобретать требующееся ему консервное оборудование. При этом оно планировало отказаться от посредничества Госторга СССР и вести все дела напрямую. Председателю правления АКО С. П. Нацаренусу поручалось «возбудить в Москве... ходатайство о разрешении иметь своих представителей в Японии и Америке». Для размещения заказов в США откомандировывались Нацаренус и инженер Саген. С последним договор на 1928 г. общество заключило 3 ноября 1927 г. [80, л. 268].

31 октября 1927 г. правление общества рассматривало план развития рыбной промышленности на 1928 г. Одним из главных направлений его деятельности отныне становилось «максимальное получение продукции в виде консервов», позволявшее заработать на внешних рынках наибольшее количество валюты, которую затем можно было использовать для развития собственного хозяйства. В результате обсуждения была принята программа расширения сети РКЗ, включавшая постройку второго завода в Усть-Камчатске и третьего в Озерной. Кроме этого, РКЗ № 1 расширялся с шести до восьми линий. Для утилизации отходов консервного производства следовало пустить жиротуковые заводы. Как перспективная, перед промышленностью ставилась задача «получить хозяйственный эффект не благодаря количеству рыбы, а благодаря повышению качества продукции».

30 ноября 1927 г. были утверждены эксплуатационные и строительные сметы действовавших и новых РКЗ [80, л. 264, 274]. Окончательную сумму капитальных затрат на развитие камчатского рыбоконсервного производства определил 26 марта 1928 г. Совет АКО, заседавший в Москве под председательством А. И. Микояна. На постройку трехлинейного РКЗ № 2 в Усть-Камчатске он выделил 607,9 тыс. руб., на сооружение РКЗ № 3 в Озерной — 346,9 тыс., на переоборудование РКЗ № 1 — 261 тыс.

«Считая развитие консервного производства в Охотско-Камчатском крае важнейшей и первоочередной задачей госпромышленности, констатировать правильность намеченной в этом отношении работы АКО, выражающейся в расширении построенного в 1927 г. ДГРТ РКЗ № 1 в

Усть-Камчатске (с шести до восьми линий), в постройке второго усть-камчатского и первого озерновского заводов...» — заключил Совет.

Уверенность в получении «некоторого минимума морских участков, как в Усть-Камчатском, так и в Озерновском промысловых районах» у АКО появилась после подписания советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. Этим создавалась прочная юридическая база для расширения деятельности государственных предприятий.

Однако по заключению рыбного директората ВСНХ СССР по строительству РКЗ на Камчатке в 1928 г., АКО лишь в перспективе учитывало возможность дальнейшего расширения числа промыслов и объемов вылова. Свои расчеты оно строило на том количестве сырца, которым располагало ранее. В связи с этим проектируемые РКЗ могли оказаться недогруженными. Так, недогруз РКЗ № 2 в 1928 г. мог составить 55 %. Тем не менее, правительство СССР считало его постройку целесообразной, объясняя ее тем, что он «позволит максимально использовать массовый ход красной рыбы, что увеличит выход наиболее дорогих консервов, а с 1929 г., с получением новых участков в Усть-Камчатском районе, этот завод будет работать с полной нагрузкой».

Если бы новые участки получить не удалось, то в сумме мощность усть-камчатских заводов могла оказаться недоиспользованной на 20 %, «какой недогруз, хотя и делает работу менее рентабельной, но вполне целесообразной по соображениям увеличения ценности вырабатываемой продукции по валютным расчетам».

Создание в Усть-Камчатке второго завода в пять линий и расширение первого до восьми увеличивало их проектную мощность до 195 000 ящ. за сезон (по 15 тыс. ящ. на линию). Для достижения такой выработки требовалось выловить 2 730 000 шт. нерки (из расчета 14 шт. на ящик). При этом фактически, по наблюдениям за 1924—1927 гг., АКО располагало всего 2 500 000 шт., добываемыми на морских и речных промыслах. Таким образом, до полной загрузки заводов не хватало 230 000 шт. или 9,2 % сырца.

«Если учесть, что постройка второго завода дает возможность использовать в максимальной степени массовый ход красной рыбы, ежедневное поступление которой превышает суточную производительность завода, даже усиленного двумя новыми линиями (РКЗ № 1. — *С. Г.*), требующих свежья не более 90 000 шт. при ежедневном вылове только с реки, не считая морских участков, свыше 120 000 шт., и с 1928 г. можно ожидать получения новых участков, — следует признать некоторый недогруз заводов по смете не имеющим большого значения и

констатировать полную целесообразность построек в Усть-Камчатском районе», — заключил директорат ВСНХ [81, л. 79—80 об.]. Смета на сооружение завода включала расходы в размере 408 652 руб. [82, л. 2].

В преддверии расширения предприятий выявилась необходимость оперативной подготовки отечественных специалистов-консервщиков, «используя при этом в первую очередь лиц, окончивших рыбохозяйственное отделение Тимирязевской сельскохозяйственной академии». Пока же их недостаток вновь намеревались восполнить приглашением иностранных инженеров и техников [81, л. 22 об.—23 об.].

29 апреля 1928 г. АКО приняло решение о расширении владивостокской ЖБФ. Для этого выделялось до 50 тыс. руб. Ввиду растущего спроса на консервы в фунтовой упаковке изменялись размеры ящиков, что следовало учесть при заказе ящичной клепки [80, л. 140].

В начале весны 1928 г. Рыбный отдел АКО отправил из Владивостока в Усть-Камчатск первые пароходы: «Эривань» отошла 21, а «Томск» — 28 марта. На них посадили 321 строителя и монтажника, 570 японцев, погрузили материалы и механизмы. Плавание «Эривани» протекало при благоприятной погоде. Судно пришло на место 31 марта. На следующий день оно начало разгружаться. По сообщению В. И. Волкова, «на первом пароходе выехал технический персонал и исключительно русские рабочие, а рабочие-строители выехали на “Томске”, который прибыл около половины апреля. Приходилось обходиться только японскими рабочими» [80, л. 129, 158].

Управляющим РКЗ № 2 был назначен А. Т. Охремец. Его заместитель В. А. Встовский ранее служил у Демби.

Работы на территории завода, располагавшейся в десяти с небольшим километрах от РКЗ № 1, начались 1 апреля. Вначале ее требовалось очистить от снега. На это потратили много времени и сил, так как снег на протяжении всего апреля шел почти ежедневно, а его глубина достигала 2,25 м. Постройка основного производственного здания развернулась 3 апреля, на следующий день приступили к сооружению бараков для русских рабочих [78, л. 91].

К 13 апреля площадку очистили от снежных заносов. Вначале работали японцы, затем к ним присоединились 55 русских строителей, прибывших на «Томске». Первый русский барак был построен 18 апреля, второй — 1 мая, плотницкие работы на здании завода, водочащке, складах и икрняке закончились в первой половине мая. Остальные постройки завершили к 1 июля, а сооружения непроизводственного назначения (лавка, баня, фельдшерский пункт) — к 10 июля.

«Жилищные условия на Втором заводе первое время были очень скверные. Когда мы приехали, были только засольные сараи для рыбы, которые мы должны были приспособить для жилья... Для этого мы обшивали войлоком помещения, устанавливали камины... По окончании постройки того или иного барака переселяли рабочих» [80, л. 160].

Всего на территории РКЗ № 2 за сезон 1928 г. были возведены следующие строения, табл. 6.9 [78, л. 87].

Таблица 6.9	
Строения	Стоимость, руб.
1. Здание завода площадью 2 606,9 м ²	76 366
2. Склад для консервов площадью 1 310,5 м ² ,	21 748
3. Навес для лакировки банок	14 365
4. Склады для материалов (2 шт.)	14 103
5. Здание икрянки площадью 225,6 м ²	5 731
6. Пожарный сарай	631
7. Водокачка площадью 85,44 м ²	2 582
8. Баня	7 360
9. Бараки для русских рабочих (2 шт.), 673 м ²	43 121
10. Барак для женщин	9 033
11. Барак для японцев площадью 391 м ²	10 787
12. Кухня и столовая	13 191
13. Продуктовая лавка	891
14. Транспортёры: речной (174,3 м) и морской	16 302
15. Пристань речная площадью 81 м ²	1 774
16. Пристань морская площадью 72 м ²	1 809
<i>Внеплановые постройки:</i>	
17. Закрома для хранения рыбы	включена в п. 14
18. Фельдшерский пункт	4 245
19. Кузница	630
20. Кухня для японцев	645
21. Отхожие места на 8 очков, 6 шт.	2 640
Всего:	247 954

Монтаж оборудования начался 23 мая. Его вели девять специалистов — семь слесарей и два американских техника. Их работа тормозилась отсутствием части оборудования и некоторых материалов, которые фрахтованный пароход «Гросхольм» доставил на месяц позже намеченного планом срока. Опоздание судна привело к тому, что технический руководитель стройки И. С. Саген перебросил большинство квалифицированной рабочей силы, за исключением семи слесарей, с РКЗ № 1 на РКЗ № 2 затем, чтобы к рунному ходу лосося успеть запустить хотя бы его. В результате Второй завод был готов только к 21 июля.

По свидетельству очевидца, «пароход из Америки опоздал и таким образом постройка самого завода... задержалась. Пароход с материалами прибыл из Америки только 3 мая. Все, что было погружено на этом пароходе, представляло из себя настоящий хаос. Так, например, все материалы, машинные части, котлы первого, второго и третьего промыслов и часть петропавловского груза были перепутаны и для того, чтобы снять часть грузов Первого завода, нужно было снимать несколько частей Третьего завода. Получалось так, что нужно было снимать на кунгасы 6—12 т груза Третьего завода, для того чтобы доставить груз Первого или Второго завода и снова поднимать их на пароход. Сам пароход не был приспособлен для больших тяжестей, лебедка была слабая, и все это не могло не отразиться на работе при разгрузке. Кроме того, приходилось пароходу переходить четыре-пять раз со Второго завода на Первый при разгрузке. Все эти причины отдали окончание постройки завода на тридцать дней» [80, л. 159].

Рабочих, служащих, материалы и оборудование для РКЗ № 2 доставили, в общей сложности, шесть пароходов СТФ и фрахтованные суда. Первой пришла «Эривань». Ее выгрузка, прерывавшаяся штормом, длилась пять дней. Ею занимались пять кунгасов, буксируемых заводским катером «ОКАРО № 5». Из-за частых отказов его мотора кунгасам неоднократно приходилось ходить к пароходу и обратно на веслах, что требовало от работающих значительных физических усилий. 10 апреля на помощь с РКЗ № 1 прибыл катер «Нярка» и на следующий день выгрузка закончилась.

9 апреля в Усть-Камчатск пришел «Томск». Поздно вечером 10 апреля он перешел ко Второму заводу. Его разгрузка двумя катерами и шестью кунгасами шла высокими темпами: за день обрабатывали до 75 кунгасов. Выгрузка «Томска» также прерывалась штормами и закончилась 18 апреля. 24 апреля в Усть-Камчатск прибыла «Индибирка», 26 апреля она встала под выгрузку на РКЗ № 2. В этот день от судна отошли всего 17 кунгасов. «Индибирка» имела неудачное расположение трюмов и малые размеры их горловин, поэтому ее разгрузка шла медленнее, чем других судов. 27 и 28 апреля работы из-за плохой погоды приостановились. 29 апреля они продолжились и завершились вечером следующего дня.

Японские суда «Кирин-Мару» и «Зуйко-Мару», привезшие консервные банки, соль, уголь, разгрузались во время спешной подготовки к постановке неводов и не менее спешной обработки «Гросхольма», доставившего оборудование. «Кирин-Мару» выгружался с 28 мая по

3 июня, «Зуйко-Мару» — 4 и 5 июня людьми, которых можно было выделить без ущерба для других работ. С этих судов сняли 21 305 соломенных и джутовых кулей с углем и солью, 34 024 ящ. полуфунтовых банок и крышек к ним, 77 японских морских неводов. Опоздание «Гросхольма» и состояние его груза послужили главной причиной задержки пуска завода.

Плохая работа СТФ в 1928 г. и, в частности, эпизод с «Гросхольмом», стали одной из причин, по которым АКО решило обзавестись собственным транспортным флотом. «Взять хотя бы такой пример: с момента, когда мы можем впервые доставить груз на Камчатку, до момента, когда завод должен быть пущен в ход, имеем двадцать дней. Насколько это важно, чтобы груз во время прибыл на Камчатку, доказывает пример парохода “Гросхольм”, на душе которого лежат несколько тысяч ящиков», — докладывал транспортный отдел правлению АКО в октябре 1928 г. [80, л. 192].

Недостатки в организации учета прибывающих грузов, наблюдавшиеся в 1927 г. на РКЗ № 1, повторились и на Втором заводе. Часть грузов не имела документов, и наоборот — вместо некоторых из них пришли одни бумаги, а снабжение оказалось выгруженным в других местах. Бухгалтерия РКЗ № 2 состояла из 11 чел., но из-за отсутствия конторы и жилья большинство счетоводов размещались на Первом заводе. Позже часть русского барака отгородили под общежитие для них и контору.

«Второй завод по своим планам, по своей системе, конечно, лучше Первого: просторнее, больше света, хорошо сконструирован, нет надстроек, которые есть на Первом заводе. Рыба с элеватора поступает наружу, а железные китайцы, служащие для потрошения, [стоят] внутри здания, все отбросы проталкиваются наружу, поступают из конвейера на вагонетку, а с вагонетки — в яму для отбросов... Водокачка и все отделения завода расположены гораздо лучше и удачнее, чем на Первом заводе, потому, что Первый завод строился впервые, а постройка Второго имела уже некоторый опыт» [80, л. 159].

Вот еще одна оценка: «Второй завод производит великолепное впечатление, построен очень хорошо, достаточно просторный, светлый. Помещения все удачные, единственный навес для охлаждения консервных банок, который необходимо расширить, а также консервный склад на 30 тыс. ящиков. [Он] достаточен, но на будущий год при увеличении программы [его] необходимо расширить. Жилплощадь достаточная, что же касается японской рабочей силы, то для нее необходимо увеличить жилплощадь, так как имелось много нареканий со стороны

профсоюзников. На будущий год японские рабочие будут завозиться гораздо меньше, поскольку постройка завода закончена, и будет производиться только оборудование его» [80, л. 166].

РКЗ № 2 приступил к работе 21 июля. Первые дни его деятельности сопровождалось устранением дефектов монтажа оборудования, после чего оно работало вполне исправно. «Вся работа по механическому оборудованию этого завода произведена механиком тов. Чигриновым». За успешный труд правление АКО решило «увеличить оклад содержания тов. Чигринову на 25 руб. в месяц за время работы на заводе с 24 апреля по 13 октября 1928 г...».

«Оборудование завода было произведено очень удачно; были такие дни, когда не было никаких перебоев в станках, и таких дней было больше, в то время когда Первый завод страдал этими перебоями все время. Остановка завода была весьма небольшая» [80, л. 25 об., 166].

Часовую производительность линии в августе 1928 г. довели до 40 ящ. полуфунтовых банок и 61 — однофунтовых. Она существенно уступала мощности соседнего японского завода (соответственно 50 и 80). «Мы имели производительность в 40 ящиков в час, а когда перешли на кижуч — 45 ящиков в час. Довести завод до максимальной нормы в этом году мы не в состоянии, потому что недостаточно квалифицированной рабочей силы было на заводе. Русские рабочие не могли справиться со станками, и происходили по 15—20 минут задержки; приходили американцы и быстро пускали...» [78, л. 92].

К концу сезона, завершившегося 12 августа, завод выработал 27 582 полуфунтовых и 1 676 ящ. однофунтовых банок.

Рыбой РКЗ № 2 обеспечивали морские участки № 241 и 243. Невода на них поставили 3 и 4 июня до начала рунного хода, пришедшегося на 10 июня. В этот день один из участков поймал 45 248 шт. лососей. Оба участка обслуживал один катер, который не справлялся с вывозом рыбы, особенно во время ее рунного хода. Перебоев в работе промыслов не было только потому что пока завод не действовал, пойманный сырец сдавался фирме Ничиро, присылавшей за ним свои катера. К 12 августа оба участка выловили 902 910 рыб. Из них:

- 328 990 нерок сдали в переработку на завод;
- 20 218 кетин, 1 427 чавыч и 140 кижучей засолили в чанах;
- 494 650 нерок продали фирме Ничиро;
- 6 137 чавыч передали американской компании.

Ход лосося в 1928 г. был больше и начался раньше, чем в предыдущие годы. Работе на море в июне и июле благоприятствовала хорошая

погода. Кроме лососей, промыслы пытались наладить лов сельди и крабов. В начале мая для этого приготовили неводы, но так как вся рабочая сила была занята на постройке завода и выгрузке пароходов, то взамен них установили 12 небольших сетей. Ими с 4 по 22 мая поймали 1 347 шт. хорошей, но маложирной сельди. 24 мая селедочные сети уничтожил шторм. В дальнейшем эти опыты не возобновлялись.

Для пробного лова крабов 3 мая в Камчатском заливе на расстоянии 6—9 миль от берега на глубине 200—300 футов (60—90 м) выставили 184 крабовых сетки. Из-за отсутствия катеров, занятых выгрузкой пароходов, проверить сети после их установки не смогли, а затем стихия их сорвала с якорей и унесла в море. Выяснить, попали ли в них крабы или нет, не удалось [78, л. 93—96].

Работы по расширению РКЗ № 1 начались 23 апреля 1928 г. после приезда русских рабочих. С конца апреля по июль здесь возвели 14 построек: здание тукового завода, икрянку, навес для лакировки банок, склады, лавку, коптилку, кузницу, барак для русских рабочих, склад товаров фактории АКО, баню, помещение для «железных китайцев» и летнюю клубную сцену. Большая часть сооружений предусматривалась ранее утвержденной сметой. Барак в нее не входил, но «из-за тесноты, которая была обнаружена на заводе, необходимо было построить этот барак, тем более что материал для барака в разобранном виде был на промыслах от прошлого года» [80, л. 160].

Переоборудование предприятия решили не начинать до прибытия из США парохода с консервными машинами. Иначе, если бы в пути с судном что-либо случилось, то разобранные механизмы не удалось бы быстро восстановить. В крайнем случае, предприятие должно было работать на станках, смонтированных в прошлом году. Новое оборудование прибыло благополучно. Оно заработало 9 июня. В течение первой недели его лихорадило, в результате чего часть улова (242 тыс. шт.) пришлось продать японцам. Вскоре удалось наладить бесперебойное действие машин и достигнуть выпуска 6 тыс. ящ. в день.

Завод обслуживали две смены. По мнению В. И. Волкова, это «дало неблагоприятные результаты. Для ежедневного ремонта, регулирования и стерилизации машин требуется не менее шести часов, поэтому работать в две смены невыгодно, требуется больше людей. Надо принять за правило на будущее время, чтобы работали только одной сменой» [80, л. 161].

В сезон 1928 г., длившийся с 27 апреля по 7 октября, на РКЗ № 1 и промыслах трудились 1 031 рабочий и служащий. Среди них 149 чел.

имели среднее и высшее образование, остальные — начальное или были неграмотны (в основном, японцы). Как и в прошлом году, здесь присутствовали иностранные специалисты. С учетом того, что за сезон 1927 г. отечественный технический персонал многому научился, количество «спецов» признавалось большим, чем необходимое (не более трех-четырёх) [83, л. 442].

В 1928 г. на оба завода АКО из Владивостока прибыли 282 женщины и поступили на работу 16 местных жительниц. На РКЗ № 1 находились 200 работниц, на РКЗ № 2 — 98. Среди них были 27 служащих и 47 домохозяйек, основную же массу составляли бывшие работницы различных предприятий. Многие женщины не имели достаточных навыков работы на рыбных промыслах: из них первый сезон трудились 174 чел., второй — 55, третий — 25, четвертый — 14, пятый и более — 30. Ранее на разных промыслах работало всего 124 чел. 164 работницы имели возраст от 17 до 30 лет, 134 — от 30 до 50 лет. Среднее образование было у 55 из них, низшее — у 150, неграмотных и малограмотных насчитывалось 93 чел. Трудились женщины хорошо, руководство обоих заводов отмечало с их стороны большой интерес к получению профессиональных навыков и повышению квалификации [84, л. 15—16].

В связи с отъездом из Владивостока на консервные заводы значительного количества женщин, окружной комитет Союза пиццевиков обратился к АКО с ходатайством об отпуске средств для организации детских яслей. Просьба не осталась без ответа. 16 мая было решено «считать необходимым принять участие в организации детских ясель, отпустив для этой цели 2 500 руб.» [80, л. 145].

Принятые на завод местные жители и японцы, завербованные в Хакодате, не прошли медицинское освидетельствование [84, л. 18—19].

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих РКЗ № 1 в сезон 1928 г. представлена в табл. 6.10.

Специальность	Таблица 6.10	
	Зарплата, руб.	
	<i>Отечественный персонал:</i>	
Заводской рабочий		95,0
Ученик		55,0
Рабочий на мойке		105,0
Механик		300,0
Слесарь первой руки		275,0
Слесарь второй руки		230,0
Кочегар		210,0
Кузнец, машинист		250,0

Продолжение табл. 6.10
Зарплата, руб.

Специальность
Электромонтер
Счетовод
Табельщик

320,0
160,0
175,0

Японский персонал:

Рабочие на производстве 96,0—101,0
Обслуживающие рабочие 87,3—99,0
Квалифицированные рабочие 204,61—215,4

Средняя заработная плата квалифицированных рабочих была в 2,5—3 раза выше, чем у неквалифицированных. Тем не менее, они выражали недовольство низкими, по их мнению, заработками [83, л. 443].

В 1928 г. заработал вновь построенный жиротуковый завод. Утилизации отходов консервного производства в предыдущие годы не уделялось достаточного внимания, хотя оно сулило немалые дополнительные выгоды. «Ни в какой другой отрасли нашей промышленности мы не встречаем подобного нарушения принципов экономии, как в дальневосточном рыболовстве. Так, например, река Камчатка ежегодно дает около 10 000 т. В случае развитого консервного производства, когда остатки от разделки рыбы составляют 40—46 % веса рыбы, на камчатском речном промысле будет скапливаться от 4 000 до 4 600 т ежегодно», — говорилось в одной из работ того времени, посвященной развитию производительных сил Дальнего Востока [85, с. 111—119].

С учетом того, что технологические процессы рассматриваемого периода обеспечивали выход 40 % тука и 6,5 % жира от веса перерабатываемых отходов, в районе ежегодно терялось около 1 720 т муки и 280 т жира на общую сумму около 250 тыс. руб.

Вопрос о создании вспомогательного утилизационного предприятия решался осенью 1927 г. Заместитель председателя дальневосточного комитета Севера К. Я. Лукс во время поездки по восточной Камчатке поставил перед РКЗ № 1 «вопрос о выработке собачьего корма». Завод «принял предложение, ибо считает, что выгоднее и целесообразнее для Камчатки и всего советского хозяйства использовать головы и отбросы не на туку, а на снабжение собак дешевым и питательным кормом. Конечно, питательность и пригодность состава корма будет предварительно проверена. Предполагается выработать весь корм кубическими галетами в однодневную порцию...» [75, № 70].

Предложение Лукса преследовало цель более рационального использования рыбных богатств Камчатки. Проблема собачьего корма в 1920-х гг. занимала умы дальневосточных администраторов, видевших в ее

решении возможность увеличить сырьевую базу. По статистическим данным за 1924 г., население Петропавловского района заготовило для себя и собак 3 013 352 шт. лососей. Председатель Тигильского райревкома свидетельствовал о том, что в его районе в 1927 г. имелось 5 000 собак, ежегодно съедавших рыбы на 131 000 руб., в то время как все население потребляло ее только на 108 000 руб. Власти Олюторского района установили следующую ежегодную норму потребления рыбы: «200 шт. крупной на одного едока и на одну собаку 150 шт. крупной» [86, л. 3, 15; 87, л. 6]. Сведений о том, что производство «собачьих галет» в Усть-Камчатске было налажено, не найдено.

Первый утильзавод выпускал рыбий жир и тук, перерабатывая 5 т сырья в час. «Этот завод состоит из целого ряда отделов, связанных между собой конвейерами и элеватором. Отбросы с пристани поступают непосредственно на элеватор, который подает их в запасные чаны, из чанов идут в конвейер, потом в мясорубку, которая измельчает куски мяса и подает их в автоматический котел для варки отбросов. Пока масса идет по конвейеру, она успевает свариться и поступает под пресс, где отжимаются белки, жиры центробежным насосом качаются в цистерны и тук посредством червяка подается в сушилку, которая проталкивает, благодаря имеющимся крыльям в конвейер, а оттуда на мельницу и выходит мука, которая может непосредственно поступать в мешки...

Этот завод стоит на берегу реки у самой пристани, занимает площадь около 300 кв. м, устроен по американской системе. Первое время завод работал очень хорошо, потом был пожар на нем благодаря неумению техника-строителя. По плану полагается деревянная рама, или вернее — каркас, изнутри обшитый железом, а техник для того чтобы сохранить больше тепла, сделал двойную обшивку, полагая, что тепло не будет выходить и продукция будет лучше. Несмотря на протесты инженера, это было допущено и благодаря высокой температуре... случился пожар. Два дня завод не работал... Завод работал хорошо и настолько рентабельно, что в первый месяц, несмотря на все неудачи, он дал продукции на две трети его стоимости» [80, л. 161].

Механизмы предприятия приводила в действие паровая машина мощностью 50 л. с. Заведовал им инженер Семенов, закончивший в 1927 г. Тимирязевскую академию. Вместе с ним трудились восемь рабочих. Техническую помощь отечественному персоналу на первом этапе его работы в 1928—1929 гг. оказывали американцы. К сезону 1930 г. Семенов не только освободился от их опеки, но и подготовил мастеров для других предприятий АКО.

Помимо пожара, в начале сезона 1928 г. на РКЗ № 1 имелось еще несколько происшествий: сломалась паровая машина, в насосы на водокачке попали камни. В бочках с надписями «машинное масло» по чьей-то халатности оказалась цилиндрическая смазка. Это, а также плохо отрегулированные станки и неопытность рабочих, приводившая к порче банок, и в довершение всего — пьянство квалифицированных рабочих, — создали в среде наиболее рьяных партийцев мнение о «вредительстве» — так называемой «донбасовщине» [83, л. 443].

В этом сезоне вновь повторилась неразбериха с приобретением запасных частей для заводского оборудования. Секретарь ячейки ВКП(б) РКЗ № 1 Миллер рекомендовал руководству АКО «...обратить внимание на целесообразность покупки такого массового количества запасных частей и плановость их покупки, так например: запасных частей к донкам водокачки хватит минимум лет на пять, а электровозы (тягачи. — С. Г.) стоят без действия, благодаря тому, что не приобрели серной кислоты для зарядки аккумуляторов...» Кроме того, он отмечал дороговизну американских деталей и предлагал приобретать аналогичные и более дешевые в СССР [83, л. 444].

В 1928 г. три усть-камчатских завода фирмы Ничиро имели, в общей сложности, 12 консервных линий в пересчете на однофунтовую банку, а два завода АКО — только 8,5. Одна японская линия за сезон, в среднем, производила 29 478 ящ., а советская — всего 16 810, то есть в 1,75 раза меньше [78, л. 61]. Сравнительные результаты деятельности японских и советских заводов приведены в табл. 6.11 и 6.12.

Таблица 6.11

Вид лосося	Заводы Ничиро № 1, 2, 3			Заводы АКО № 1 и 2		
	обработано	выпущено	расход рыбы	обработано	выпущено	расход рыбы
	рыбы,	консервов,	на ящ.,	рыбы,	консервов,	на ящ.,
	шт.	ящ.	шт.	шт.	ящ.	шт.
Нерка	4 276 743	326 422	13,1	1 422 631	90 607	15,7
Кижуч	290 337	27 310	10,6	579 213	44 462	13,0
Кета	—	—	—	105 268	7 725	13,6

Как следует из табл. 6.11, в 1928 г. на японских заводах средний расход рыбы на производство одного ящика консервов из нерки и кижуча был на 20—22 % меньше, чем на советских. В свою очередь, на заводах АКО в 1928 г. он был снижен по сравнению с 1927 г. на 2 % (вместо 16 рыб на один ящик расходовались 15,7).

Среднесуточная производительность заводов АКО уступала японским в 1,56 раза. Общее количество консервов, произведенное ничириновскими

заводами в 1928 г., превосходило советскую продукцию в 2,48 раза. Рост советского консервного производства в 1928 г. по сравнению с 1927 г. составил 250 % (142 794 ящ. против 57 000).

Таблица 6.12

Показатель	Заводы Ничиро				Заводы АКО		
	№ 1	№ 2	№ 3	в среднем	№ 1	№ 2	в среднем
Выпущено, ящ.	77 411	117 131	159 190	117 911	113 519	29 258	71 389
За сутки, ящ.	1 032	2 928	2 653	2 204	2 064	770	1 417
Кол-во рабочих часов в сутки	10	10	10	10	10	8	9
Ящ. в час	103	293	265	220	206	96	157

Отношения советских предприятий с фирмой Ничиро оказались, против ожидания, неплохими. Иногда японцы выручали наших консервщиков, предоставляя им некоторые недостающие материалы и запчасти. Кроме этого, японцы охотно покупали рыбу, перерабатывать которую РКЗ № 1 и 2 из-за неготовности не могли. Руководство РКЗ АКО отмечало отличную организацию материально-технического снабжения ничировских заводов и четкое движение судов, вывозивших с них готовую продукцию. «Снабжение заводов Ничиро, как всегда, идет хорошо и о пароходах они знают точно... Они имеют всевозможные запасы материалов; нам приходилось пользоваться у них... Ничиро сделало 320 тыс. ящиков, все вывезено. После красной рыбы приходит пароход и увозит продукцию в первых числах июля, в перерыве между кетой и кижучем снова приходит пароход, и затем третий пароход снимает последние остатки консервов, и завод снимается» [80, л. 163].

Первый пароход, которым весной 1929 г. планировалось доставить на РКЗ № 1 дополнительное оборудование, товары и продукты для местного населения — «Гойо-Мару», — потерпел аварию и затонул [78, л. 34]. Это могло нарушить планы по пуску предприятия, но другое своевременно пришедшее из США судно позволило подготовить его для приема рыбы к 6 июня 1929 г.

В предыдущем 1928 г. завод имел восемь линий (по четыре полуфунтовых и однофунтовых) и был не в состоянии переработать в консервы всю принимаемую рыбу. В сезоне 1929 г. АКО решило заменить на нем полуфунтовые линии таким же количеством однофунтовых. Это должно было увеличить выход продукции. Дополнительно для повышения производительности труда и облегчения его условий в США приобрели одну обявочную машину, три электротягача, роликовый конвейер и пневматический подъемник. В результате этого

плановая мощность завода увеличилась на 25 % при сокращении численности занятых на нем на ту же величину [78, л. 36].

Проблему поддержания давления пара в автоклавах, наблюдавшуюся в 1927—1928 гг., устранили установкой автоматического регулятора. Перевалочные работы (погрузка ящиков и разгрузка угля) облегчили использованием транспортеров. Первый пропуская в час до 25 тыс. ящ., второй, имевший длину 72 м, подавал в минуту 1,5 т угля.

При подготовке к сезону 1929 г. были учтены итоги работы завода в 1928 г., что дало ряд положительных результатов. Так, была значительно сокращена общая численность работающих: с 1 031 до 632 чел., то есть в 1,63 раза. Количество японцев при этом снизилось с 268 до 74 чел., то есть в 3,62 раза. В этом году на заводе трудились уже 162 местных жителя (более 20 % общей численности персонала). Сравнительные данные о количестве рабочих и служащих на РКЗ № 1 АКО на начало сезонов 1928 и 1929 гг. приведены в табл. 6.13 [78, л. 25].

Таблица 6.13

Род деятельности персонала	Количество, чел.	
	1928 г.	1929 г.
Администрация	4	3
Технический персонал	10	12
Канторские служащие	41	37
Коммунальщики	38	37
Рабочие на производстве	286	190
Квалифицированные рабочие	65	57
Ученики	16	15
Водники	27	27
Охрана	11	7
Рабочие-женщины	227	149
Строители	31	19
Японские рабочие	268	74
Американские специалисты	7	5
Итого:	1 031	632

Заметно выросла квалификация отечественных рабочих: число имевших навык в рыбоконсервном деле поднялось с 5 % в 1928 г. до 30 % в 1929 г., улучшилась трудовая дисциплина. Производительность завода существенно возросла: одна линия в первой половине сезона 1928 г. за час выпускала 35 ящ. однофунтовых банок, в конце — 54 ящ., а в 1929 г. — соответственно 56 и 80, то есть на 60 % и 48 % больше.

Итоги работы РКЗ № 1 в 1929 г. показаны в табл. 6.14 [78, л. 19].

Таблица 6.14

	План	Факт	Выполнение, %
	<i>Вылов лосося по породам, шт.:</i>		
Нерка	1 200 000	510 372	42,53
Кижуч	450 000	400 863	89,08
Кета	50 000	30 291	60,58
Чавыча	10 000	11 132	111,32
Всего:	1 710 000	952 658	55,71
	<i>Выпуск консервов, ящ.:</i>		
Нерка	92 600	32 931	35,56
Кижуч	35 000	42 915	122,61
Кета	5 000	4 072	81,44
Всего:	132 600	79 918	60,26

Несоответствие количеств фактически выловленных нерки, кижуча, кеты и приготовленных из них консервов объясняется тем, что часть нерки передали на заводы Ничиро и РКЗ № 2, и наоборот — часть кижуча и кеты получили с РКЗ № 2. Дополнительно к плану выпустили 139 ящ. консервов из чавычи. Продукция отправилась на пароходе «Тускалуза Сити» в Лондон (16 677 ящ.) и в Ливерпуль (14 289 ящ.).

Ход лосося в 1929 г. был существенно меньше, чем в предыдущий сезон. Завод приступил к работе только 17 июня, а закончил обработку нерки уже 28 июня. Всего за сезон было произведено 77 918 ящ. консервов, что составило 68,6 % от продукции прошлого года. Недолов сказался и на работе жиротукового завода: вместо ожидаемых 1 346 т отходов с РКЗ № 1 и 512 т с РКЗ № 2 на него поступило лишь 630 т. В результате вместо 150 т жира и 360 т тука было выпущено всего 56,5 (37 %) и 102 (32 %) соответственно.

Жилищные условия для русских рабочих по сравнению с прошлым годом улучшились, но в японском бараке по-прежнему сохранялись двухярусные нары. Это ставило японцев в значительно худшие условия не только по сравнению с русскими, но и с соплеменниками с заводов Ничиро, неблагоприятно отражаясь на их настроении.

В течение сезона отмечались многочисленные заболевания людей, особенно работавших в холодной воде. Причиной этого стала плохая спецодежда. Кроме этого, из-за недобросовестного медицинского осмотра персонала, завербованного во Владивостоке, значительная его часть прибыла на Камчатку с желудочными и венерическими заболеваниями, а также с туберкулезом и ревматизмом. Произошло одиннадцать несчастных случаев, вызванных, в основном, отсутствием навыков. Их следствием стали шесть ушибов, вывих, по два сломанных и оторванных пальца, один перелом ребра [78, л. 38].

В 1929 г. оба завода АКО имели, в общей сложности, пятнадцать моторных катеров и кавасаки. К РКЗ № 1 были приписаны катера «Кит», «АКО № 1», «АКО № 12», «Болиндер», «Посыльный», «Голец», «Американец» и моторный кунгас «Кавасаки». РКЗ № 2 распоряжался катерами «Штурм», «Кета», «Кижуч» и моторным кунгасом. Два его катера в середине сезона были переданы РКЗ № 1. Находившиеся в районе катера «Краболов», «ОКАРО № 5» и «Нярка» не работали, так как моторы для них погибли вместе с пароходом «Гойо-Мару».

Катера снабжали заводы рыбой и водой, развозили товары для населения долины р. Камчатки. За сезон они обработали 31 пароход. Наиболее мощный мореходный катер «Кит» совершил четыре морских плавания: один в Озерную и три на Командоры. Одним из рейсов он доставил на острова этнографическую экспедицию.

Экипажи для плавсредств комплектовал во Владивостоке Морской отдел АКО. Средняя зарплата катерников была выше, чем у рабочих завода и составила: у старшин катеров 349,53, мотористов — 334,68, матросов 1 класса — 205,24 и матросов 2 класса — 193,82 руб.

Двенадцати действующих плавсредств для обслуживания заводов и промыслов оказалось недостаточно, поэтому несколько катеров арендовались у местного райисполкома (РИКа). Ими перевезли 150 281 рыбин. Катера «Американец», «Голец» и «Посыльный» в силу своей конструкции и технического состояния оказались для промысловой работы непригодными.

Администрация промыслов так характеризовала подведомственные ему суда: «Мы не видим плановости и последовательности в подборе нужных единиц, большинство катеров приобретено случайно, ранее бывшие в деле. Это объясняется отсутствием в СССР и, в частности, на Востоке, своих заводов по постройке моторных катеров, а отсюда вынужденная покупка того, что есть на иностранных рынках (Япония). Так же и в отношении моторов. Мы имеем в числе четырнадцати катеров моторы восьми различных систем, типов и фирм, что создает значительные эксплуатационные затруднения» [77, л. 28].

Эти затруднения заключались в том, что для двигателей разных типов требовались различные топлива, широкая номенклатура запасных частей и значительные средства на их приобретение за границей для каждого катера в отдельности. Наилучшие результаты за трехлетнюю эксплуатацию (1927—1929 гг.) показали двигатели фирмы «Фербенкс Морзе», поэтому в будущих сезонах катерники рекомендовали заменить ими все остальные.

Из 65 кунгасов, находившихся в районе, для работы в море оказались пригодны всего шесть при минимальной потребности в них, равной десяти. Доставленные в 1929 г. кунгасы не соответствовали требованиям, так как были слишком малы.

В 1928 г. в район из США поступили две железных баржи грузоподъемностью 95 т каждая. Они предназначались для морской погрузки консервов на пароходы, но оказались для этого непригодными, так как были плоскодонными и громоздкими. Из-за отсутствия мощных катеров для их буксировки, высказывалось предложение на следующий год одну из барж оборудовать моторами и использовать ее для доставки по реке товаров местному населению.

Для улучшения работы плавсредств в 1930 г. руководство промысла рекомендовало правлению АКО:

— увеличить число катеров до тридцати;

— приобрести два мелкосидящих речных парохода грузоподъемностью до 80 т с кормовыми гребными колесами;

— иметь паровой катер ледокольного типа с прочным стальным корпусом для работ в начале сезона в море и на реке, когда лед вызывал задержку разгрузки прибывающих пароходов;

— организовать при РКЗ № 1 ремонтные мастерские;

— подчинить все катерное хозяйство района особому лицу и, кроме действующих на катерах команд, иметь постоянный штат из механика, двух слесарей, токаря, двух резервных мотористов [78, л. 30—31].

В 1929 г. на речном промысле РКЗ № 1 были заняты двое рабочих, десять служащих и 27 катерников. Они прибыли 1 июня на пароходе «Вюго-Мару». Работа рыбных промыслов заключалась в скупке рыбы от рыболовецкого населения долины р. Камчатки и передаче ее на завод, заключении с артелями рыбаков договоров на обработку, снабжение населения и руководстве водным транспортом.

Цены на скупаемую рыбу устанавливал Усть-Камчатский РИК. Штука нерки, кижуча и кеты оценивалась в 22 коп., чавыча — 1 руб. 25 коп. По договоренности с РИКом, использование для перевозки рыбы его плавсредств удорожало ее на 1 коп. за штуку. Без этой надценки стоимость рыбы оставалась на уровне прошлого года [78, л. 32].

Часть продукции в текущем сезоне на промысел была поставлена уже готовой: в соответствии с договорами, заключенными с местными промысловыми артелями, от них приняли 161 бочку соленой рыбы, 64 бочки копченых балыков, 40 бочек соленых брюшков, пять бочек чавычи, посоленной пластом. Общий вес этой продукции составил 112,78 т [78, л. 34].

Сравнительные результаты работы речного промысла в 1928 и 1929 гг. приведены в табл. 6.15 (в штуках).

Таблица 6.15

Вид	Скуп от населения		Принято с РКЗ № 2		Всего	
	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.
лосося	9 981	11 131	28	—	10 009	11 131
Чавыча	1 604 974	510 372	1 674	5 260	1 606 648	515 632
Нерка	79 358	30 291	3 631	16 399	82 989	46 690
Кега	547 245	400 863	19 884	90 080	567 129	490 943
Итого:	2 241 558	952 657	25 217	111 739	2 266 775	1 064 396

Тенденция к повышению качества продукции, отмеченная в первой половине 1920-х гг., продолжала углубляться и во второй половине десятилетия. Перераспределение основных видов камчатских рыботоров, выработанных в 1926—1929 гг., характеризует табл. 6.16 (в процентах по объему).

Таблица 6.16

Виды продукции	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
<i>Русский посол:</i>				
— пласт	16,5	10,7	3,4	0,6
— колодка	4,5	11,2	15,9	15,0
— икра	1,7	1,3	1,6	1,7
<i>Японский посол:</i>				
— рассыпной	45,5	22,2	35,3	16,9
— улучшенный	11,0	22,7	17,2	31,0
— икра	1,5	1,9	1,8	2,4
Мороженая	5,2	9,0	5,6	9,6
Консервы	13,4	20,4	18,3	22,0
Тук и жир	0,7	0,6	0,9	0,8

Доля наиболее низкосортной продукции (рыбы рассыпного японского посола «бара»), занимавшей в 1910— начале 1920-х гг. доминирующее положение, в 1926 г. понизилась до 45,5, а в 1929 г. — до 16,9 %. Одновременно существенно выросло производство высококачественного товара: консервов — с 13,4 до 22 %, рыбы, засоленной колодкой, — с 4,5 до 15 %, мороженой рыбы — с 5,2 до 9,6 % [51, л. 36]. Этому немало способствовала деятельность новых камчатских РКЗ.

Первые три года деятельности усть-камчатских государственных заводов заложили основу для последующего развития камчатской рыбоконсервной индустрии. Четкий рабочий ритм этих предприятий нашел образное отражение в следующих строках, опубликованных в 1930 г. «Поднятая на высоту десятков метров, выливается в длинное корыто промытая и совершенно потерявшая свой облик рыба. Куски

алого мяса несутся силой воды в здание, где рядом стоят набивочные станки... Механическая резка крошит рыбу на равные куски для набивочного станка. Это главный пульс завода. Встал станок — нет жизни в длинных корпусах. Ток, чек, ток, чек, ток, чек... Семьдесят пять банок в минуту!.. Так, пройдя свой путь, будет готова не одна тысяча консервных банок.

Неутомимые лапы лебедек перебрасывают в пароходные трюмы консервные ящики, а через месяц-два какая-нибудь леди из особняка на модной лондонской улице на своем званном обеде предложит чопорным гостям отведать:

— “Ред салмон” или “Сильвер салмон”, Камчатка, АКО.

... Пусть английские леди жрут наши консервы. Рабочие знают, что на валюту, полученную от этого, в СССР вырастут новые сотни заводов... Даешь семьдесят пять банок! Даешь социалистическую стройку! Таков клич ударников» [88, с. 12—13].

6.7. УСТЬ-КАМЧАТСКИЙ ЗАВОД ТОРГОВОГО ДОМА «БРАТЯ ЛЮРИ»

Характерной чертой формирования государственной рыбной промышленности Дальнего Востока являлось то, что здесь не проводилась национализация частных предприятий и промыслов, имевшая место в европейской части СССР. Государство распоряжалось только правом собственности на рыболовные участки. Капиталы, постройки и оборудование принадлежали частным промышленникам.

Вторая особенность в развитии дальневосточной рыбной индустрии заключалась в присутствии в регионе мощного японского капитала, деятельность которого вначале регламентировал декрет от 2 марта 1923 г. «О порядке эксплуатации рыбных и звериных промыслов», а затем — советско-японская рыболовная конвенция, заключенная в 1928 г. В соответствии с ней, на долю государственного сектора приходилось не более 20% общего улова в конвенционных водах. Особым соглашением в 1932 г. эта доля была повышена до 37% [89, л. 8].

Образованное в 1923 г. Дальневосточное управление государственной рыбной промышленности (Дальгосрыбпром) за неимением оборотных средств бездействовало и не могло самостоятельно организовывать государственные предприятия. Единственно возможным путем их создания стало образование смешанных акционерных обществ с участием частных фирм. Этот путь позволял государству, не затрачивая

собственных средств, использовать не только частные капиталы, но и накопленный предпринимателями опыт, как коммерческий, так и технический, чем постепенно подготавливать переход смешанного предприятия в его полную собственность.

На таких условиях в 1923 г. образовалось смешанное акционерное общество Дальморепродукт, в которое вошли Главрыба в лице Дальгосрыбпрома и торговый дом «Бр. Люри». Основной капитал общества определялся в 1 млн руб. Торговый дом внес в него свою долю в виде материальных ценностей, необходимых для ведения промысла, а Главрыба — 50 % арендной платы за рыбопромысловые участки. Главрыба обладала правом принудительного выкупа акций, принадлежавших торговому дому, но не ранее чем через пять лет со дня образования общества [33, с. 115—116; 52, с. 146—147].

В 1923 г. Дальморепродукт работал на Амуре. В 1924 г. он распространил свою деятельность на приморское и охотское побережья, а также на западный берег Камчатки. В этом году общество арендовало на полуострове два речных, пять морских рыболовных и два краболовных участки. Слабый ход лосося в 1925 г. привел к прекращению его деятельности. В ноябре 1925 г. было образовано новое предприятие с государственной формой собственности — Дальгосрыбтрест. В 1926 г. Дальгосрыбтрест свое влияние на Камчатку не распространял. Одинадцать участков, находившихся здесь, передавались бывшему учредителю Дальморепродукта — торговому дому «Бр. Люри».

К концу 1920-х гг. государственная рыбная промышленность Дальнего Востока перенесла свою деятельность из внеконвенционных вод (изъятых от действия советско-японской рыболовной конвенции) в конвенционные. Если за 1928 г. в последних было добыто 29,2 % всей рыбопродукции, то за 1929 г. — уже 53,5 %. С этого времени началось планомерное вытеснение японских промышленников из советских вод.

В результате торгов, проведенных в 1929 г., число рыбопромысловых участков, арендованных советской промышленностью (как государственной, так и частной), возросло до 134 против 43 в 1928 г. и составило 28 % их общего количества. Доля участков, снятых японцами, сократилась с 86,3 % в 1928 г. до 72 % в 1929 г. Часть ранее эксплуатировавшихся ими промыслов перешла к отечественным государственным предприятиям без торгов.

Наряду с ослаблением японского влияния в конвенционных водах, Дальгосрыбпром вел работу по сокращению частного сектора в неконвенционных. Прежде всего, он окончательно отказался от передачи

неконвенционных участков с торгов и перешел к их плановому распределению. Эта административная мера привела к сокращению числа советских частных, арендующих рыбопромысловые участки. Если в 1928 г. их было 30, то в 1929 г. — 22 (73 %).

В 1930 г. в руках частных оставалось всего 12 речных участков охотско-камчатского побережья, вблизи которых не было местного населения и государственных предприятий. Торги на морские участки для частного сектора продолжались [51, л. 34].

Меры, принятые Дальгосрыбпромом, привели в 1928—1929 гг. к существенному перераспределению товарной продукции, производимой различными секторами рыбной промышленности, ц, табл. 6.17.

Таблица 6.17

Год	Госпромышленность	Кооперативы и население	Советские частники	Японцы	Всего
1928	445 486 (19,3 %)	332 588 (14,4 %)	403 174 (17,5 %)	1 122 388 (48,8 %)	2 303 636 (100 %)
1929	615 506,2 (31,8 %)	447 645 (23,1 %)	217 739,7 (11,3 %)	655 202,3 (33,8 %)	1 936 093,2 (100 %)

Увеличение удельного веса государственной промышленности произошло за счет сокращения частного советского и японского секторов, соответственно, с 17,5 до 11,3 % и с 48,8 до 33,8 %.

На Камчатке крупнейшим представителем частного капитала в советской рыбной промышленности являлся торговый дом «Бр. Люри». Его представители начали работу здесь еще до первой мировой войны. В 1912—1914 гг. Мейер Люри арендовал промысловый участок на р. Кихчик с годовой арендной платой 2 818 руб. В 1913 г. на его промысле работало 100 японцев и шестеро русских икрянщиков.

В 1927 г. в Олюторском рыбопромысловом районе торговый дом занимался опытным ловом трески. Несмотря на новизну промысла, его результаты оказались хорошими: фирма получила прибыль [90, л. 32].

В 1928 г. М. Люри арендовал в Олюторском районе морской участок № 316а. Он же промыслял на трех речных участках на р. Анадырь. Капитальные постройки на используемых торговым домом промыслах не возводились, использовалось государственное имущество, за которое выплачивалась арендная плата. На двух из них установили временные бараки и завезли материал, но ввиду короткого сезона в этом году больше ничего построить не смогли. Промыслы Люри обслуживали четыре моторных катера [90, л. 1, 4].

В 1929 г. торговый дом стал пионером крабового промысла в Олюторском районе. В следующем году фирма вновь занималась здесь

промыслом трески. Ее лов производился переметами и на удочки. Весной 1930 г. в б. Вайменталь и Наталья она построила два ККЗ. Улов составил 220 360 крабов, из них был выработан 2 991 ящ. консервов.

В 1928 г. в Ичинском рыбопромысловом районе на морском участке № 121 в четырех километрах к югу от устья р. Паланы торговый дом построил двухлинейный РКЗ. За первый сезон он произвел 13 821 ящ. консервов из нерки. На предприятии работали преимущественно японцы — 112 чел. из 114 [90, л. 82, 85]. В 1929 г. завод Люри выпустил 30 тыс. ящ. Летом 1930 г. объем его продукции достиг 35 тыс. ящ. Работу в этом сезоне он завершил 3 августа. Завод, по мнению изучавшего его деятельность П. Т. Новограбленова, мог работать на местном топливе: в 18 км к северу от устья р. Паланы, рядом с р. Анадыркой имелись залежи бурого угля [90, л. 3].

В 1931 г. предприятие выработало уже 48 тыс. ящ. В последующие годы оно резко сократило масштабы своей деятельности из-за недостатка рыбы, а в 1934 г. закрылось. Его оборудование законсервировали и сохраняли до начала 1940-х гг., а материал строений растащили местные жители. Расположенный рядом японский РКЗ по решению советского правительства прекратил работу в 1939 г. Заводы находились рядом и, борясь за сырец, мешали друг другу [91, л. 1; 92, л. 63].

Весной 1929 г. торговый дом, используя кредит ДВбанка, решил построить в Усть-Камчатском районе еще один РКЗ. С вводом его в действие численность советских и японских предприятий здесь должна была сравняться. Завод располагался на вновь открытом морском участке № 241к. По проекту на нем предполагалось иметь две линии, но в действительности была установлена только одна однофунтовая, а также дополнительно к ней резательная и набивочная машины.

На участке кроме здания завода находились консервный склад, баки для японцев и русских, столовая и кухня для русских рабочих, хлебопекарня, контора и помещение для служащих, баня, икраянка, склады для бензина и продуктов, сторожка, японская кухня, пристань. Общая стоимость строительства составила 135 960 руб.

Сооружения носили сезонный характер. Оплата же строительных работ была произведена как капитальных, что привело к перерасходу средств. Высокая стоимость сооружений не сочеталась с их низким качеством: полы из-за расхождения балок просели, крыша завода оказалась слишком легкой и могла рухнуть под тяжестью снежной массы. Техник-строитель, приглашенный из АКО, отметил ряд технических

дефектов строений. Вскоре по вине заводского техника-десятника обвалилась стена ледника, убыток от этого превысил 2 тыс. руб.

Подбору рабочей силы было уделено явно недостаточное внимание: среди 50 русских строителей имелись люди совершенно ничего не понимавшие в плотницком деле, хотя и числившиеся плотниками первой руки. Специалисты зачастую использовались не по назначению: например, бетонщики стеклили окна.

В связи с поздним прибытием на промысел рабочей силы и оборудования (к 20 мая), строительство завода затянулось, он начал работать только 28 июня. На протяжении всего времени действия предприятия так не удалось отрегулировать набивочные машины, поэтому рыбу в банки укладывали вручную. Такая укладка на международном рынке ценилась дороже машинной, но существенно снижала производительность. Если обычно одна линия за двенадцатичасовой рабочий день производила около 600 ящ., то при ручной укладке максимальная выработка составила 454 ящ. за шестнадцать часов при высоком проценте брака на неполновесность и помятость банок [78, л. 99].

Сырец должны были поставлять пять ранее не эксплуатировавшихся морских участков: № 241и, 241к, 239, 239к, 239б. По плану им следовало выловить, шт.: 380 000 нерки, 60 000 кеты, 50 000 кижуча и 10 000 чавычи. Однако работали не все участки: из-за позднего прихода на промысел первый невод был установлен в начале июня, второй — 22 июня, третий — 28 июня, а четвертый и пятый не ставились совсем. Первый невод сняли 24 июля, второй — 24 августа, а третий — почти сразу после установки ввиду его полной нерентабельности.

Фактический улов к концу августа составил, шт.: 36 876 нерки (9,7 % от плана), 9 472 чавычи (94,7 %), 42 406 кеты (84,8 %) и 31 320 кижуча (62,6 %). Серьезный недолов наиболее ценной рыбы — нерки — существенно отразился на выполнении производственной программы. Плановым заданием за сезон 1929 г. предусматривалось выпустить на экспорт 20 000 ящ. консервов из нерки и 4 000 из кижуча. Кроме этого, предполагалось засолить в бочках 50 000 шт. кеты и передать иностранным фирмам в свежем виде 100 000 шт. нерки и 10 000 шт. чавычи. На внутренний рынок следовало произвести всего 210 ц продукции.

На деле же до конца сезона было изготовлено всего 1 358 ящ. консервов из нерки и 2 500 из кижуча, а также вне плана 371 ящ. из чавычи и 1 005 из кеты. Кроме них засолили 64,3 ц икры, 30 ц сельди, 67 ц чавычи, 94,6 ц головки и 27 041 шт. кеты. Иностранным компаниям было сдано 11 099 шт. нерки и 3 375 шт. чавычи [78, л. 97].

Всего на постройке завода, промыслах и производстве продукции трудились 391 рабочий и 11 служащих. Численность японцев составляла 254 чел. (65 %). Русских заводских рабочих насчитывалось 87 чел. Японская рабочая сила, по заявлению сендо, наполовину являлась непромысловой. Ее низкая квалификация объяснялась слишком поздним наймом, проходившем в апреле, в то время как обычно вербовка велась в декабре и январе.

Технический персонал завода оказался не на высоте и не мог наладить его нормальное действие. Приглашенный инженер был некомпетентен, ему помогал студент-практикант, механик завода ранее работал паровозным машинистом. К тому же между ними постоянно шли склоки, не способствовавшие нормальной работе [78, л. 99].

На протяжении всего сезона на заводе недоставало продовольствия. Установленная хлебная норма вызвала недовольство русских строителей, которые отказались от работы. Это заставило выдавать им на руки ежедневно по 1 кг хлеба. В запасе отсутствовали крупы, за исключением риса, не хватало консервированного молока, мясных консервов и прочих продуктов. В особенно сложном положении оказались японцы — почти весь рис, доставленный из СССР, для них не годился.

Продовольственный кризис также сказался на выполнении плана — часть японских (87 чел.) и русских (57 чел.) рабочих пришлось отправить обратно до окончания сезона. Еще больше обострили положение с продовольствием опоздание пароходов Совторгфлота «Колыма» и «Симферополь» и отказ последнего принять рабочих на борт.

«Если до 15 сентября оставшаяся часть рабочих не будет доставлена как в Хакодате, так и во Владивосток — неизбежна голодовка, ибо дослать из Владивостока [продовольствие] невозможно, а снабдить на месте так же не представляется возможным. Посадка рабочих на “Колыму” и задержка с ее отходом — стоянка в устье в течение пяти дней — также еще больше осложняют положение с продовольствием, так как его осталось всего лишь на десять дней пути», — сообщал секретарь заводской ячейки ВКП(б) Гофман [78, л. 100].

Организация хозяйственно-административной работы на заводе торгового дома имела такие же недостатки, как на предприятиях АКО. Главным из них был недостаточно хорошо поставленный учет оборудования и материалов. Некоторых предметов снабжения было завезено значительно больше необходимого. Материальный учет оказался сосредоточенным в двух конторах — русской и японской, — ведущих параллельную работу. Кроме этого, было допущено разграничение двух

складских хозяйств (русского и японского), тормозившее деятельность предприятия. Так же как и в первый сезон работы РКЗ № 1 АКО, здесь отсутствовало четкое управление японцами, в результате чего «последние чувствовали себя хозяевами, не считаясь с распоряжениями администрации-завоудуправления» [78, л. 100].

В итоге сезон 1929 г. для торгового дома оказался убыточным.

Летом 1930 г. работа завода возобновилась. В этом году на нем снова действовала только одна консервная линия, вторая по-прежнему простаивала. Чтобы обеспечить рентабельную работу предприятия, его руководство попыталось наладить бездействующее оборудование. Для этого с завода АКО пригласили американского инженера. Кроме этого, в июне решили поставить на участках, арендованных фирмой, все семь имевшихся в ее распоряжении неводов, из которых пока работали только два. Третьим неводом должны были ловить русские рыбаки.

Для работы на промысловых участках в 1930 г. фирма привезла 83 ловца. Фактическая потребность в них составила 20 чел. на морской ставной невод и 10 чел. на речной. Так образовался значительный избыток ловцов, что стало одной из причин их недовольства, так как оставшиеся не хотели трудиться на других работах. 18 июня о ходе рыбалки на третьем неводе на собрании заводской ячейки ВКП(б) докладывал ее секретарь Гофман. По его словам, подбор русских ловцов оказался неудачным: многие из них не были рыбаками, дисциплина на промысле была низкая. Спецодеждой невод был обеспечен лучше, чем другие промыслы фирмы, но людям не хватало теплого белья.

Руководил всеми ловцами главный сендо Нарока, назначивший на третий невод сендо Саваду. Ему в помощь Нарока выделил нескольких японцев. Назначение не вызвало у них удовольствия, так как их заработок мог из-за этого существенно уменьшиться. Третий невод установили неудачно, на скалистом грунте, вызывавшем порчу сетей при подъеме. В начале июля его решили перенести. Русские ловцы делать этого не захотели, поэтому работу выполнили японцы [92, л. 1—18].

Завод постоянно лихорадило: 20 июня от работы отказались кочегары и грузчики, недовольные расценками на сдельные работы по выгрузке угля и требовавшие их повышения. Для предотвращения подобных происшествий руководство завода решило своевременно предоставлять рабочим расценки и ввело табели.

Недовольство заводчан вызывало поведение управляющего заводом Алексина, который грубо обращался с работниками, называя их

«наглецами и мерзавцами». В отношениях со служащими управляющий доходил не только до брани, но и до рукоприкладства. Заводская ячейка ВКП(б) решила «передать дело в следственные органы для производства следствия».

В конце июня началась забастовка русских ловцов, приведшая к невыполнению планов вылова рыбы и выпуска экспортной продукции, сопровождавшаяся большими убытками для фирмы. Часть ловцов третьего невода (18 чел.) потребовала немедленного расчета за сверхурочную работу и выплаты премиальных или отправки во Владивосток. Остальные рыбаки хотели продолжать работу, но подверглись притеснениям со стороны зачинщиков — Штемберга, Иванова и еще нескольких человек, угрожавших им финскими ножами.

Боясь расправы, ловцы просили перевести их из рыбацкой палатки в общий рабочий барак, что и было сделано. Зачинщиков забастовки решили отправить во Владивосток по отдельности и передать их в руки «соответствующих органов власти». Пока же к расследованию происшествия привлекли местный погранотряд.

Сезон 1930 г. осложнился ненормальной работой парознергетического хозяйства РКЗ: инженер не смог обеспечить его безотказного действия [93, л. 245]. Завод вновь сработал с убытком. Спустя три года это предприятие вошло в состав АКО.

6.8. РАСШИРЕНИЕ СЕТИ КОНСЕРВНЫХ ЗАВОДОВ АКО

Летом 1928 г. в Озерной заработал еще один завод. Он получил наименование «РКЗ № 3 АКО». 4 апреля 1928 г. сюда из Владивостока на пароходе «Астрахань» были отправлены материалы и рабочие в числе 300 чел. 12 апреля за ними проследовала еще одна партия стройматериалов и квалифицированные специалисты. В конце месяца правление общества командировало в Озерную В. Л. Бурьгина.

«Принимая во внимание, что на постройку завода № 2, как самого мощного, командированы сильнейшие технические и административные силы АКО, чем несколько оголен персонал завода № 3, поручить члену правления тов. Бурьгину выехать с первым отходящим в Озерную пароходом для непосредственного наблюдения и руководства строительством» [80, л. 129, 140]. Возглавлял постройку РКЗ № 3 техник А. В. Попов. Техническую помощь ему оказывал американский инженер Киорк.

Озерновский завод состоял из главного корпуса площадью 1 774,8 м², в котором располагались рыбо- и крабokonсервные отделения, котельная и слесарная мастерская, электростанция. Корпус представлял собой деревянный каркас, обшитый оцинкованным железом, с бетонным полом. По мнению Попова, «подобный тип построек является наиболее приемлемым в рыбной промышленности Камчатки, так как переработка рыбы там носит сезонный характер... поэтому затрачивать капитал на постройку более дорогих каменных зданий не имеет смысла».

Консервное отделение имело длину 87 и ширину 15 м. Рыба к разделочным машинам подавалась по конвейеру. Консервы выпускали четыре линии, сгруппированные по американской системе: две готовили «полуфунт», две — «высокий фунт». Их оборудование приобрели у фирмы «Seattle Factoria Smith», за исключением разделочного станка, купленного у фирмы «Camery Mashine Co». Эта техника обеспечивала производство до 117 000 банок за восьмичасовой рабочий день.

Пар для автоклавов и паровых машин, приводивших в движение станки, вырабатывали три локомобильных котла с общей поверхностью нагрева 84,7 м², давлением 8,7 атм. и производительностью 4 800 кг/ч. Центральный паропровод диаметром шесть дюймов (152 мм) имел три трехдюймовых ответвления. Обслуживающие парозергетическую установку механизмы произвела фирма «Seattle Hardnare Co».

Главная паровая машина мощностью в 50 л. с. при частоте вращения 90 об/мин приводила механизмы консервного отделения. Разделочный станок и руборезки работали от 15-сильной машины, делавшей в минуту 180 оборотов. В сумме машины потребляли около 1 000 кг пара в час, четыре паровых ящика — 1 500, мелкие заводские нужды — еще около 50. Остальной пар шел в шесть автоклавов, в которых происходила стерилизация консервов. Автоклавы имели объем по 9,5 м³. В каждый из них закатывались четыре тележки, содержавшие 3 200 фунтовых банок.

Электростанция завода состояла из двигателя внутреннего сгорания мощностью 25 л. с. с частотой вращения 325 об/мин, крутившего генератор мощностью 20 кВт. Второй генератор на 10 кВт размещался в консервном отделении и работал от главной паровой машины. Средняя нагрузка электростанции составляла 15 кВт, напряжение — 125 В. Энергетическое хозяйство РКЗ с 11 июля по 15 августа 1928 г. сожгло 463,5 т угля и 18,8 т керосина, израсходовало 537 кг смазки.

В слесарной мастерской стояли токарный, строгательный, сверлильный станки и точило фирмы «The Nisey-Wolf Mashine Co».

Курировавший стройку В. Л. Бурыгин отмечал, что предприятие строилось гораздо быстрее, чем в прошлом году возводился РКЗ № 1. «Озерновский завод по своей конструкции много лучше Первого завода, и это вполне понятно, так как [там] строительство было новое, а построив один завод, мы имели опыт, хотя и очень маленький. Завод был во всех отношениях удачный — удобное расположение, нет сложности, которая была в прошлом году в Усть-Камчатске, полная механизация и, самое главное, что вся эта механизация была упрощена и не стоила таких денег, как на Усть-Камчатске. Не было элеватора, а сделали конвейер, который обошелся в 5 тыс. руб. и будет служить; не было поставлено водокачки, и целый ряд намеченных сметой сооружений не был выполнен; завод сконструирован много проще и дешевле».

Потенциальные возможности РКЗ № 3 Бурыгин оценивал в 50—60 тыс. ящ. консервов, не считая крабовых. По плану он должен был иметь три линии, но так как был построен раньше расчетного срока, то до начала рунного хода заводчане успели собрать еще одну линию. Подходы рыбы в районе были неплохие. Максимальная производительность завода достигла 2 700 ящ. за двенадцатичасовой рабочий день.

Помимо новой техники, в ходе создания РКЗ № 3 было использовано старое оборудование разобранного завода С. Грушецкого. Всего на постройку нового предприятия израсходовали 326 м³ древесины, 1 684 листов гладкого и волнистого железа, 22 бочки цемента весом по 155 кг. За сезон оно обработало 811 543 шт. лососей. Его продукция составила 920 208 банок, на которые ушло 478 641 рыбин или 59 % объема всего улова. Японским сухим посолом переработали 260 409 (32,09 %), русским бочечным — 72 496 шт. (8,91 %). Кроме этого, 2 934 рыбины ушли в пищу рабочим [82, л. 278—284].

25 сентября 1928 г. правление АКО подводило предварительные итоги работы в истекшем сезоне. С докладом выступал промышленный директор А. Я. Шерстобоев. По его данным, рыбалка в Усть-Камчатске началась 8 мая. РКЗ № 1 выпустил (в ящиках) 29 231 фунтовых и 39 291 полуфунтовых банок нерки, 7 529 фунтовых и 33 371 полуфунтовых кижуча, 4 489 фунтовых кеты. Задание оказалось невыполнено на 6 000 ящ. или на 5 %. Тем не менее, в стоимостном выражении его перекрыли на 91 тыс. руб. (2 859 тыс. руб.) из-за повышения рыночной цены на ящик полуфунтовых банок до 30 руб.

РКЗ № 2 произвел, ящ.: 21 054 полуфунта и 1 676 фунта нерки, 3 460 полуфунта кеты и 2 970 полуфунта кижуча. Несмотря на незначительное количество продукции, это предприятие также перевыполнило

финансовый план на 167 тыс. руб., сдав много рыбы в свежем виде. Консервы погрузил пароход «Эрика Моллер», принадлежавший английской компании из Шанхая. Они проследовали в Англию, за исключением кетовых, купленных японцами.

Продукция озерновского РКЗ № 3 составила 11 000 ящ. полуфунта нерки, 19 000 фунта кижуча, 250 фунта горбуши. Он также перевыполнил план в стоимостном выражении на 99 тыс. руб. Озерновские консервы отправились на рынок 17 сентября [80, л. 156—157].

В целом АКО в 1928 г. произвело продукции на 6 966 тыс. руб. вместо 6 901 по плану. Член правления АКО И. А. Чаплыгин сообщил, что экспортное задание на 1928 г., составлявшее 5 648 тыс. руб., в суммарном выражении оказалось выполненным на 102,5—103 %. При этом он напомнил, что «в дальневосточных условиях выполнение экспортного плана — явление редкое» [81, л. 35].

О результатах работы в сезон 5 декабря 1928 г. в Москве отчитывался председатель правления АКО С. П. Нацаренус. По его словам, с программой расширения рыбоконсервного производства общество справилось. «Все эти задания выполнены полностью, причем завод в Озерной построен на четыре линии».

Основным рынком сбыта камчатских консервов по-прежнему являлся английский, на котором, несмотря на большой объем дальневосточной продукции (советской и японской), цены оставались стабильными. Если в 1927 г. ящик нерки в полуфунтовой расфасовке стоил 64 шиллинга, то в 1928 г. — 62. Такое же незначительное снижение цен наблюдалось и на фунтовые банки. Японский рынок носил для АКО посреднический характер. Здесь расценки на ящик были ниже на 4 шиллинга (2 иены). Поэтому, а также «в силу завязывания отношений с Англией, все консервы были отправлены туда».

Продукция 1928 г. была реализована в Англии при посредстве Аркоса (All Russian Cooperative Society Limited — смешанное советско-английское общество, учрежденное летом 1920 г., представлявшее советские внешнеторговые организации). Сотрудничество с Аркосом признавалось «совершенно не обеспечивающим интересы АКО» и принесшим ему убыток. В то же время АКО получило более выгодные предложения от японцев. Оно решило обратиться в Наркомвнешторг, «указав на необходимость принятия мер к возможно более выгодной реализации консервов и на недопустимость запроектированных наших экспортных товаров без согласования запродаж с правлением АКО» [80, л. 33].

О результатах сбыта продукции АКО на внешнем рынке в 1928 г. докладывал А. А. Богданов, представитель АКО при Амторге: «Выработка 1928 г... нами реализована полностью в отношении сортов “Силвер” и “Пинк”. В отношении сорта “Красный”: полуфунтовые банки полностью проданы в Ливерпуле, но в Лондоне имеется в остатке около 21 000 ящ.; фунтовые — в Ливерпуле в остатке 10 000 ящ., в Лондоне — 11 000. Иными словами, в остатке имеем только “Красный” в количестве 41 000—42 000 ящ.».

1928 г. стал рекордным по количеству произведенного на Камчатке сорта «Красный». Японцы выработали его на 300 000 ящ. больше, чем в 1927 г. Качество АКОвских консервов, упакованных в фунтовые банки, оказалось хорошим, не хуже японского, а вот полуфунтовая продукция заметно уступала ничировской. Поэтому английские фирмы «несмотря на все [наши] старания, не купили у нас ни одного ящика, а покрыли свою годовую потребность в 50 000 ящичков сорта “Красный” выработкой Ничиро». Дефектом являлось то, «что в банки слишком много уложено рыбы — вплоть до самой верхней крышки (на рыбе виднелся отпечаток крышки. — С. Г.). Благодаря этому нет места, для того, чтобы жир выступал кверху и придавал бы товару тот привлекательный внешний вид, какой имеет продукция Ничиро» [94, л. 2].

В соответствии с рассматривавшимися весной 1929 г. «Основными установками по составлению пятилетнего плана рыбной промышленности», последняя по-прежнему должна была иметь ярко выраженный экспортный характер. Из общей стоимости продукции за пятилетие в 150 782 700 руб. на экспорт приходилось 93 496 800 или 62 % [80, л. 49 об.]. В 1929 г. намечалось выпустить товара на сумму 14 174 тыс. руб., то есть удвоить ее по сравнению с прошлым годом. Такой рост должен был стать следствием постройки в Кихчик-Кольском районе четвертого РКЗ в четыре линии, покупки второго плавучего крабозавода, организации крабовых отделений при существующих заводах и модернизации уже работавших производств [81, л. 37].

В начале апреля 1929 г. правление АКО изучало сметы на дооборудование РКЗ № 1, 2 и 3 и проект РКЗ № 4, разработанные строительнотехническим бюро. Расходы оценивались в 808 397 руб. На РКЗ № 1 общество намеревалось возвести здание клуба, дооборудовать японские бараки и соорудить при них сушилку, пристроить сушилку и умывальник к русским баракам, укрепить 300 м берега, покрасить существующие сооружения и провести благоустройство. Общая стоимость этих работ определялась в 70 791 руб.

РКЗ № 2 нуждался в складе для консервов, конторе и общежитии, бараке для рабочих, колодце, пожарном баке на 1 000 ведер и водопроводе. На их устройство требовалось 78 726 руб. [80, л. 35]. На РКЗ № 3 предполагалось дополнительно построить два барака для русских, больницу, склады для консервов и материалов, засольный сарай и чаны, бытовые помещения. Кроме этого расширялся консервный цех и возводился туковый завод. На это предполагалось потратить 179 648 руб.

Сметная стоимость РКЗ № 4 и тукового завода при нем составляла 479 232 руб.: здание РКЗ — 123 354, туковый завод — 27 380, склад материалов — 10 592, икрянки — 4 525, засольный сарай — 17 751, жилье для служащих и контора — 27 827, больница — 28 626, четыре барака для рабочих — 72 136, баня и душ — 10 273, железобетонные засольные чаны — 13 984, зимний дом с помещением под радиостанцию — 13 804, пристань — 5 400, закрома для хранения рыбы — 1 120. Всего на территории завода следовало возвести 24 сооружения. Монтажные работы оценивались в 50 000 руб. Окончательные сметы на сумму 731 074 руб. золотом были утверждены 12 апреля 1929 г. [80, л. 29—31, 37 об.]:

- стоимость оборудования РКЗ № 1 с его монтажом — 86 286;
- по РКЗ № 2 и крабokonсервному отделению при нем — 99 738;
- по РКЗ № 3 и утилизационному заводу — 126 747;
- по РКЗ № 4 и утилизационному заводу — 418 303.

Как и в прошлые годы, возглавлять работы и руководить ходом путины на местах должны были высшие администраторы АКО. 29 апреля 1929 г. было решено командировать в Усть-Камчатск председателя правления С. П. Нацаренуса, а его заместителя О. Х. Кантера направить на западный берег «для наблюдения и руководства работой заводов, в частности постройкой 4-го завода...» [80, л. 51].

В 1929 г. АКО совместно с ДГРТ заключило договор с фирмой «Бр. Пауль» на продажу 260 000 ящ. сорта «Салмон» и 60 000 ящ. крабов. За это оно получило аванс в 200 000 фунтов стерлингов. Вскоре возникли опасения в возможности выполнения договоренности: Амторг получил сведения о том, что продукция АКО в 1929 г. оказалась незначительной (около 200 000 ящ.). В то же время фирма Ничиро выпустила их около миллиона [94, л. 3].

План капитального строительства АКО на 1930 г. предусматривал сооружение еще трех заводов: РКЗ в Большерецке с крабokonсервным отделением в одну линию и утилизационным отделением общей стоимостью 999,3 тыс. руб., а также двух ККЗ на сумму 545,8 тыс. руб.

Оборудование для них намеревались купить за границей, на что предполагалось затратить 570 тыс. инвалютных руб. [95, л. 106].

Увеличение численности РКЗ требовало расширения сети промыслов. При составлении заявки на участки в 1930 г. АКО учитывало:

- желание дальнейшего ослабления японского влияния в конвенционных водах путем передачи ему участков, находившихся до этого у японцев, и открытием новых промыслов в устьях крупнейшей рек;
- необходимость создания новых баз по обработке рыбы;
- стремление к сохранению крупных отечественных частных и кооперативов, также используемых как средство вытеснения японцев.

Намечаемые к эксплуатации новые участки располагались, главным образом, вблизи устьев рек. Их действие должно было повлиять на величину улова расположенных рядом японских промыслов.

По рыбоохранным соображениям, лов рыбы разрешался на расстоянии не ближе двух верст с обеих сторон от устьев. Для наиболее важных рек закон, принятый еще в 1911 г., устанавливал предъустьевое пространство более двух верст. В начале 1928 г. по требованию японцев были открыты новые участки, захватывавшие предъустьевые пространства (например, № 243а вблизи устья р. Камчатки). Этим фактически отменялось действие закона 1911 г. Появление новых предъустьевых участков при сохранении двухверстного пространства должно было ослабить японские уловы. Тем самым поднималась ценность новых промыслов, передававшихся в ведение советских РКЗ.

Стремясь лишить японцев возможности получить новые промыслы вблизи устьев рек, Дальрыба намечала расположить их так, чтобы теперь нельзя было увеличить их число [64, л. 231].

Выпуск АКО консервов в 1930 г. превысил 400 тыс. ящ. Хотя он равнялся суммарному производству за 1928 и 1929 гг., но экспортную программу обществу выполнить не удалось. Особенно большая недостача пришлась на наиболее дорогой товар — крабовые консервы.

Итоги года подводились в январе 1931 г. в Хабаровске на Второй дальневосточной конференции работников «пищевкусовой промышленности». Ее делегаты, наряду с успехами, отметили как пример нерационального хозяйствования постройку в районе Большерецка по соседству заводов АКО и фирмы «Дальрыбопродукт», хотя все добываемое сырье можно было обработать на одном предприятии. Здесь же говорилось о недостаточной нагрузке РКЗ АКО в Усть-Камчатке.

Впрочем, подобные случаи имелись не только на Камчатке. Так, Центросоюз построил заводы на Рейнеке и в Асташево, хотя рядом

уже действовало предприятие ДГРТ, не имевшее достаточной загрузки сырьем. Сам ДГРТ соорудил свой Тайфунский завод в месте, где отсутствовала пресная вода для питания паровых котлов [96, л. 30].

Все это свидетельствовало о недостаточной проработке технико-экономического обоснования проектов предприятий, строившихся различными организациями, и неэффективной деятельности координирующего органа пищевой промышленности — Дальрыбы.

«Компетентные органы» сделали свои «выводы»: 28 июня 1931 г. коллегия ОГПУ вынесла приговор по сфабрикованному делу «контр-революционной организации в рыбной промышленности и рыбном хозяйстве Дальнего Востока». По нему были осуждены многие видные специалисты, принимавшие участие в становлении камчатского рыбоконсервного производства. В их числе оказались В. Л. Бурьгин, В. И. Волков, А. Я. Шерстобоев, В. А. Встовский, П. В. Миллер, получившие по десять лет исправительно-трудовых лагерей. Они обвинялись в создании вредительской организации, срыве снабжения государственных предприятий и замедлении темпов их работы, содействию частному и японскому капиталу. (В 1959 г. приговор отменили «за отсутствием состава преступления») [97, с. 154—158].

Никакого организованного «вредительства» не было. Имелся ряд объективных и субъективных ошибок, неизбежных во всяком новом деле, тем более разворачивавшемся в таком огромном масштабе.

В начале 1930-х гг. АКО стало крупнейшим отечественным производителем консервов на Дальнем Востоке. Региональный план по их выпуску на 1931 г. устанавливался в объеме 1 383 300 ящ. стоимостью 21 580 тыс. руб., табл. 6.18.

Таблица 6.18

Производитель	Объем, ящ.	Стоимость, тыс. руб.
АКО	478 900	7 784
Кработрест	128 000	4 138
ДГРТ	299 000	2 550
АСО ¹	40 000	402
Частный сектор	437 400	6 706

¹ Акционерное Сахалинское общество.

На экспорт должна была последовать львиная доля продукции: 1 083 200 ящ. (в том числе 128 000 крабовых), то есть 78,3 %.

С выполнением намеченной программы вновь возникли большие трудности: дело с покупкой жести в США протекало медленно. Ее первая партия (8 610 ящ. из требующихся 34 610) на сумму 105 000 долларов прибыла только в конце февраля 1931 г. Из-за недостатка материала

на владивостокской ЖБФ действовала всего одна линия. Задержка жести и опасение остаться к началу путины без тары вынудили закупить в Японии 120 000 ящ. готовых банок на сумму 385 000 руб. Позже пришлось купить еще 26 000 ящ. жести в Англии. Все это повлекло за собой большой перерасход валюты [98, л. 14].

В 1931 г. АКО располагало уже восемью РКЗ. Результаты их деятельности показаны в табл. 6.19, тыс. ящ.

Таблица 6.19

Наименование	План	Выполнение	% выполнения
Усть-Камчатские № 1 и 2	173,0	96,0	55,5
Озерновский № 3	72,0	74,7	103,8
Кихчик-Кольский № 4	75,0	61,9	82,5
Большерецкий № 5	78,0	64,7	82,9
Ичинский № 6	24,5	7,7	31,4
На о. Птичий № 7	27,0	5,4	20,0
Крутогоровский № 8	29,4	7,4	25,2
Итого:	478,9	317,8	66,4

Причинами невыполнения плана 1931 г. стали позднее начало работы в Иче и Крутогорове, большой недоход нерки в Усть-Камчатске, вызванный постановкой японцами ставных неводов, перегородивших рыбе путь в реку, недостаток рабсилы и плавсредств [99, л. 4 об.].

Действовавшие РКЗ АКО не давали того количества продукции, на которое можно было бы рассчитывать по их техническим возможностям. Если принять выработку одной консервной линии в 1928 г. за 100 %, то последующие шесть лет дают такую картину. В 1929 г. линия произвела 92,7 %, в 1930 г. — 156,2 %, в 1931 г. — 144,8 %, в 1932 г. — 135,4 %, в 1933 г. — 55,2 %, а в 1934 г. — 73,9 %. Налицо резкое падение производительности в 1933 и 1934 гг. Его причинами стали ухудшение технического состояния предприятий, несоответствие их мощности возможностям сократившейся сырьевой базы, недостаток тары, топлива и рабсилы.

В первые годы работы РКЗ АКО имели технических консультантов в лице американских специалистов, нередко непосредственно управлявших механизмами. С их уходом предприятия остались без руководящего персонала. В 1933 и 1934 гг. на заводах не было ни одного инженера, а средний технический персонал не всегда соответствовал назначению. Состав же рабочих «меняется почти ежегодно и учатся [они] уже в самом процессе производства, к тому же слишком непродолжительном». Похоже, что решить проблему «закрепления» кадров, активно обсуждавшуюся в 1928—1929 гг., так и не удалось.

РКЗ оснащались современным импортным оборудованием. Строительство их основного числа завершилось к началу 1930-х гг. Вскоре, как считалось, закончились запасные части к машинам, импорт которых был прекращен, а отечественное производство оказалось не налажено. Ежегодная нехватка ремонтных материалов привела к тому, что оборудование зачастую не получало даже текущего ремонта [89, л. 14].

Однако имеются и совершенно противоположные данные, свидетельствующие о недостаточном количестве имевшейся техники. Комиссия, обследовавшая РКЗ в 1933 г., сделала следующее заключение о состоянии предприятий: «Нужно отметить, что по обеспеченности механизмами мы стоим значительно выше японцев и русского частного и даже имеем значительный резерв к этим механизмам. Так, на 36 рыбных и крабовых линий, которые мы имели к началу 1932 г., у нас было 43 набивочных станка, 39 предварительных закаток, 40 окончательных закаток и много другого консервного оборудования, которое не используется уже в течение ряда лет. Вообще механизмами на линиях мы располагаем не только полностью, но и со значительными резервами... Складское хозяйство... представляет формальным образом свалку запасных частей и материалов механического оборудования... Ни один завскладом не мог сказать, что у него есть, в каком количестве и где находится. Это резко подчеркивает безграмотность наших складских работников по обеспечению нормальной работы заводов...» [89, л. 15].

Справедливость последнего вывода подтверждается таким фактом. 23 мая 1935 г. начальник АКО И. А. Адамович получил справку о наличии в Усть-Камчатске следующего оборудования: «В усть-камчатском РКЗ № 2 лежит с 1932 г. неиспользованная баночная фабрика, закупленная и завезенная из Америки, выпуска 1930 г., стоимостью в 125 000 руб. золотом... Неиспользованное импортное оборудование: рефрижератор, завезен в 1927 г., 5 000 руб. золотом, лебедка, завезена в 1932 г. — 2 000, закатка, привезена в 1928 г., стоит 5 000, набивочный станок, 28 г. — 500, котел — 10 000. Кроме того, по усть-камчатскому РКЗ надо отметить, что там имеется двенадцать консервных линий, а фактически нужно не более половины» [98, л. 142].

Все это говорит о том, что АКО зачастую не располагало точными сведениями о своих действительных ресурсах. Подобная ситуация приводила к простою заводов в горячие дни рунного хода лосося из-за технических сбоев, которые могли бы быть устранены до начала их работы.

Рациональному использованию богатой сырьевой базы препятствовали следующие обстоятельства:

— сезонность производства, ограниченная кратковременным ходом лосося при отсутствии холодильного хозяйства и пассивных (прибрежных) способах лова;

— резко выраженные колебания хода горбуши. Более обильный ход на западном побережье наблюдался в четные годы, причем эти колебания наименее резко проявлялись в Кихчике и Пымте, постепенно увеличиваясь к югу и северу. Так, в Озерной уловы в нечетные годы были незначительны. На восточном побережье, наоборот, большие уловы приходились, как правило, на нечетные годы;

— недостаточная изученность возможностей сырьевой базы восточного побережья по сравнению с западным.

Подрыву сырьевой базы РКЗ и снижению загрузки их оборудования способствовал бесконтрольный лов, практиковавшийся японцами в море. Обладая многочисленным промысловым флотом активного лова, они добывали огромное количество лосося на подходе к устью р. Камчатки. Проход рыбы в реку, по сути, был закрыт сплошной стеной сетей. Так, по свидетельству работников Усть-Камчатского комбината, подтвержденными наблюдениями ученых Камчатского отделения ТИРХа, в 1933 г. около 60 % нерки, попавшей в неводы АКО, несли на себе следы японских сетей [89, л. 21 об.].

Интенсивный подъем камчатской рыбопромышленности совпал с началом деятельности АКО. Ее рост шел, в основном, за счет добычи лососей. Вылов рыбы с 1928 по 1933 гг. показан в табл. 6.20.

Таблица 6.20

Годы	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Всего, ц	229,7	267,1	627,8	581,1	801,4	538,7
В том числе лосось	199,4	189,7	447,9	355,4	587,6	365,1
Удельный вес, %	86,8	71,0	71,3	61,2	73,3	67,8

Как видно, добыча лососей при небольшом снижении их удельного веса за пять лет почти утроилась. АКО, планируя работу на вторую пятилетку, строило ее именно на лове лосося [89, л. 18].

В 1928 г., в первый год своего существования, АКО имело всего 24 рыбо- и краболовных участка и три РКЗ. С 1928 по 1933 г. его консервная промышленность развивалась как за счет строительства новых заводов, так и за счет передачи ему, преимущественно из рук частников, действовавших рыбопромысловых угодий и предприятий. В результате к 1933 г. число участков достигло 190, а в 1938 г. общество владело уже 16 РКЗ.

В 1927 г. к АКО перешел от ДГРТ один РКЗ мощностью в шесть линий, а через пять лет общество располагало восемью заводами с 35 линиями [100, л. 135 об.]. Рост количества РКЗ АКО с 1927 по 1931 гг. характеризует табл. 6.21.

Таблица 6.21

Годы	1927	1928	1929	1930	1931
Кол-во РКЗ/кол-во линий	1/6	3/16	4/23	7/29	8/35
Кол-во утильзаводов	—	2	3	4	4

Все заводы по технической оснащенности делились на две группы: вновь построенные и принятые от частных и кооперативов. Первые были хорошо оборудованы, вторые — часто не имели в достатке станков и запасных частей, а также отличались слабым складским хозяйством. Их постройки нередко не соответствовали назначению.

Так, Крутогоровский РКЗ № 8 предпринимателя Рубинштейна, построенный в 1931 г., имел две линии: одну для выпуска «полуфунта», вторую — для «плоского фунта». В 1931 г. сырец на нем обрабатывали вручную, только головы резали дисковой пилой по дереву. В 1932 г. АКО установило здесь разделочный автомат «железный китаец», но его мощность оказалась недостаточна для обслуживания двух линий. Один из РКЗ фирмы «Бр. Люри» в 1933 г. представлял собой «летнее каркасное здание без крыши, пола, окон. Станки в одну линию, без “железного китаец”. Разделка рыбы происходит вручную» [89, л. 16].

В 1940 г. АКО имело 26 рыбокомбинатов и самостоятельных рыбозаводов, обслуживаемых 188 промысловыми участками. На них размещались 17 РКЗ и девять холодильников [89, л. 3—5]. Росло консервное хозяйство АКО следующим образом.

Первым АКО приняло от ДГРТ Усть-Камчатский рыбокомбинат с действовавшим РКЗ № 1. В 1928 г. оно построило здесь РКЗ № 2. В 1933 г. комбинат был расширен за счет Шубертовской группы участков торгового дома «Бр. Люри». В 1934 г. из его состава как самостоятельное предприятие выделилась Шубертовская база, позже ставшая еще одним рыбокомбинатом. В 1928 г. от ДГРТ были приняты озерновские промыслы, где в этом же году заработал РКЗ № 3. В этом сезоне АКО организовало на базе Кихчик-Кольских участков Кихчинский комбинат, на котором в 1929 г. был построен РКЗ № 4. В 1933 г. в состав комбината вошли пымтинские рыболовные участки, принадлежавшие фирме «Бр. Люри». В 1938 г. комбинат разделился на два: Кихчинский и Пымтинский. В составе первого остался действовавший РКЗ, на втором его построили позже.

В 1929 г. АКО организовало Ичинский комбинат. В его составе находился РКЗ № 6. В этом же году возникли Карагинский и Корфский комбинаты. К последнему в 1933 г. отошли участки Всекопромрыбаксоюза. В 1929 г. заработал также Олюторский комбинат. В 1933 г. его расширили за счет промыслов Всекопромрыбаксоюза и частной фирмы Дальрыбопродукт, на участке которой имелся небольшой РКЗ. В 1938 г. комбинат разделили на три: Олюторский, Ново-Олюторский и Пахачинский. РКЗ действовал в составе Олюторского комбината.

В 1930 г. возник Анадырский рыбокомбинат. РКЗ на нем появился в 1931 г. В 1934 г. АКО передало комбинат Главному управлению Северного морского пути. В 1938 г. он вновь вошел в состав АКО. В 1930 г. организован Авачинский рыбокомбинат. В 1938 г. из его состава выделилась база Моховая, переданная Морлову АКО. Во время войны здесь действовало небольшое рыбоконсервное производство.

В 1931 г. к АКО перешел Большерецкий комбинат, построенный Дальрыбопродуктом в 1930 г. Здесь имелся РКЗ № 5. В 1935 г. комбинат разделился на два: им. А. И. Микояна и Большерецкий. В их составе действовало по одному заводу. Также в 1931 г. от Дальрыбопродукта к АКО перешел Крутогоровский рыбокомбинат, состоявший из пяти рыббаз и двух РКЗ. В 1938 г. он разделился на два комбината: Колпаковский и Крутогоровский. В их составе работали по одному РКЗ.

В 1933 г. АКО приняло от фирм «Бр. Люри» и Дальрыбопродукт Митогинский рыбокомбинат. РКЗ здесь был построен в 1943 г. В 1933 г. в состав АКО вошел и рыбокомбинат им. Кирова, сооруженный Всекопромрыбаксоюзом в 1929 г. Одновременно была принята база Дальрыбопродукта, также включенная в состав комбината. В 1933 г. к АКО от Дальрыбопродукта перешел Жупановский комбинат. На нем в 1931 г. был построен РКЗ, сгоревший зимой 1933—1934 гг. Предприятие восстановили весной 1934 г. Одновременно в 1933 г. от фирмы «Бр. Люри» к АКО перешла группа участков в Усть-Камчатском районе с одним РКЗ.

В 1943 г. в составе АКО находились 26 рыбокомбинатов. В их составе действовали 16 РКЗ с 51 линией (из них три крабовых). Экспериментальное производство работало на базе Морлова «Моховая». Один РКЗ (Митогинский № 55) бездействовал [101, л. 44].

В 1933—1934 гг. ряд РКЗ западного побережья провел первые на Камчатке опыты по изготовлению консервов из частика, давшие положительные результаты. Однако регулярные перебои с консервными банками и топливом не позволили в то время наладить производство сравнительно малоценной продукции. К тому же возникли сомнения

в том, что такие консервы будут приняты рынком «в условиях вырастающих требований к пищевой продукции во второй пятилетке». Частик считался резервом на случай истощения лососей [89, л. 57 об.].

Выработка АКО консервов в 1928—1943 гг. приведена в табл. 6.22.

Таблица 6.22

Год	Тыс. ящиков	Год	Тыс. ящиков
1928	187,3	1936	456,2
1929	206,6	1937	428,1
1930	403,5	1938	539,5
1931	319,3	1939	406,0
1932	334,5	1940	233,9
1933	265,3	1941	417,1
1934	352,9	1942	436,2
1935	215,2	1943	606,5

Значительный рост объемов производства пришелся на время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). В этот период продукция камчатских заводов шла в действующую армию. Помимо официальных наград и поощрений за выдающийся труд, консервщики получали благодарности и от потребителей результатов своего труда, одетых в серые солдатские шинели. Консервы попадали и в руки недавних рыбообработчиков, теперь сражавшихся с фашистами.

Один из работников комбината им. А. И. Микояна получил от своего товарища вот такое известие с фронта: «Удивительное дело, получаем сегодня продукты и, представь себе, какая радость — выдают мне настоящее, с наклейками, консервы **нашего Микояновского рыбокомбината** (так в тексте. — С. Г.). Я так обрадовался, прочтя “Изготовлено на рыбоконсервном заводе № 5”, будто бы получил письмо. Приятно было вспомнить о комбинате. Два года я нахожусь на фронте. Чувствую себя прекрасно. Горжусь оказанным мне доверием. 9 апреля награжден орденом **Красной Звезды**. Несколько позже мне присвоили звание гвардейца. Пиши мне письма, я ни от кого не получаю, а очень приятно узнать о делах и жизни комбината. Боевой привет. Гвардии красноармеец М. Немзер. Полевая почта 03094».

А вот письмо бывшего работника Ичинского РКЗ Н. Т. Мартынова, опубликованное 14 мая 1944 г. в комбинатской газете «Ичинский ударник». «Дорогие товарищи — рабочие, работницы и интеллигенция комбината! Шлю я вам пламенный привет фронтовика и желаю новых успехов в нашей трудовой жизни. Мы, бойцы нашей части, благодарим вас за выпуск высококачественной продукции, которая идет нам

на питание. По случайности консервы Ичинского рыбокомбината выпуска 1942 года попали в нашу часть. И мне приятно было слышать, как наши бойцы отзывались о выработанных вашими руками вкусных консервах...»

6.9. РАБОЧАЯ СИЛА И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛ РКЗ

Значительную долю работавших на Камчатке сезонников традиционно составляли японцы. Японские предприниматели, действовавшие в конвенционных водах, использовали только труд своих соплеменников. На отечественных промыслах доля японцев также была велика. Кроме них, но в существенно меньшем количестве, трудились другие восточные рабочие — корейцы и китайцы.

На японских промыслах на Камчатке в начале 1920-х гг. работало свыше 10—12 тыс. чел. На некоторых крупных РКЗ и обслуживавших их промыслах трудились до тысячи работников, а в отдельные сезоны — и больше. Численность персонала завода Ничиро в Большерецке в 1925 г. составляла 401 чел.: 13 администраторов, столько же младшего обслуживающего персонала, 133 ловца на морском участке и 242 рабочих на самом заводе. В сезон 1925 г. оклад управляющего японским РКЗ составлял 250 иен в месяц. Кроме этого, он получал наградные, размер которых зависел от объема продукции. Сендо зарабатывал 200 иен и премию от улова с комиссионными за нанятых им рабочих из расчета по 5 иен с человека, помощник сендо и старший неводчик получали по 100 иен, машинисты и мотористы — по 120 иен [19, с. 41]. (По действовавшему тогда курсу 1 иена приравнивалась к 1 рублю).

Большинство работников-японцев были мужчинами. Женщины, в основном, занимались бытовым обслуживанием промысловиков. Их труд на японских РКЗ использовался ограниченно: в сезон 1925 г. только 50 рабочих-женщин принимали участие в производстве консервов на одном из 15 действовавших заводов [19, с. 62].

Условия найма японцев определялись особым договором — «Свидетельством о найме» — выработанным и утвержденным при участии императорского правительства. Большинство его статей оговаривали круговую поруку. Вот несколько выдержек из этого документа: «Если в случае болезни и по другим своим ошибкам прекращу свою работу или не в состоянии буду выполнять работу, не возражаю против вычета из содержания положенного процента, или, по усмотрению адми-

нистрации промысла, — снятия с работы и выдачи расчета... В случае, если буду замешан в азартных играх, или замечены будут за мною какие проступки, или причину Вам неприятности и убытки подстрекательством других на злоупотребления с целью вызвать забастовку, не получаю причитающегося мне содержания и за круговую поруку свидетелей немедленно возвращаю убытки...» [19, с. 40].

Японцы, используя систему заблаговременного найма и выдачи гарантированной зарплаты вперед еще в декабре предыдущего года, добились ежегодного возвращения на промыслы свыше 70 % прежней рабочей силы. Такое закрепление работников позволяло повысить их квалификацию, существенно увеличить вылов и выпуск продукции. Производительность и качество труда каждого работника «на глаз» оценивал сендо. Ему отдавалось на откуп их персональное премирование, производившееся по окончании сезона. Этого оказывалось вполне достаточно для интенсификации работ. Средний размер полученной премии (куичи) обеспечивал рабочим спокойную жизнь дома до декабря — времени начала вербовки на следующий сезон. После вербовки они получали аванс, размер которого позволял свободно «прокормиться» до начала рыбалки [19, с. 33, 41].

Похоже протекала вербовка японцев и на советские предприятия. Занимался ею сендо, которому в следующем сезоне предстояло руководить ими. Таким образом, он имел непосредственную заинтересованность в качестве нанимаемых рабочих рук, так как по окончании сезона получал куичи, размер которых зависел от количества и добротности произведенной продукции.

Найм начинался зимой в декабре или январе и проводился следующим образом. С каждым сендо советское торговое представительство в Японии заключало договор, которым ему определялось сезонное жалование и назначались куичи. Сендо лично набирал рабочих, получая от торгпредства 4,5 иены за каждого завербованного. Он выезжал из Хакодате в села, через сельские общества и кумиаи (союзы рыбаков) подбирал там людей, оговаривал размеры задатка, куичи и предварительные условия найма. По окончании переговоров сендо отправлял в торгпредство телеграммы о количестве нанятых рабочих и требующейся сумме задатка. Средства переводились в село, после чего сендо отправлялся далее за очередной партией людей.

Полученные деньги выдавали только рабочим, имевшим удостоверение местных властей о праве выезда на промыслы в советских водах, утвержденные губернатором провинции. На их получение

затрачивалось до полутора месяцев. Рабочий, кроме разрешения на выезд, должен был заручиться справкой о состоянии здоровья.

За 20—25 дней до сбора рабочих в Хакодате, откуда они доставлялись на Камчатку, им выплачивали второй задаток. Его окончательная сумма достигала 80—90 % сезонного жалования без куичи, то есть 100—200 иен каждому рабочему. Нанятые приезжали в Хакодате по вызову торгпредства и размещались в арендованных им казармах. Ежедневно они получали 20—50 сен наличными на питание [102, л. 128].

Недостаток отечественных квалифицированных управленческих кадров для промыслов и РКЗ после создания АКО был восполнен приглашением сендо, ранее работавших в ДГРТ. «Придавая большое значение твердо забронированному кадру специалистов рыбного дела из японских рабочих (сендо)», АКО принимало главными сендо:

- по усть-камчатским промыслам — Саваду и Нариту;
- по охотским промыслам — Сайто и Фукухару;
- по большещерецким промыслам — Абе.

Месячный оклад им устанавливался в размере 80—125 руб. в зависимости от объема обязанностей. Их кандидатуры согласовывались с полномочным представительством СССР в Токио. Судя по всему, японские администраторы пользовались в АКО авторитетом и уважением. Так, после смерти главного сендо усть-камчатских промыслов Савады, в ноябре 1929 г. его семье по ходатайству торгпредства в Хакодате было выдано специальное денежное пособие [80, л. 95, 259, 267].

Кроме японских специалистов, на предприятиях АКО работали американцы. В 1928—1929 гг. на РКЗ общества трудились следующие инженеры и техники: Джекимсен, Юнг, Воллас, Киорк, Асп, Марлоу, Варвик, Бениамин, Харботл, Робертсон, Лик, Сорвик, Сеттем. С октября 1928 г. по июль 1929 г. им было выплачено в качестве заработной платы 23 130 долларов США и 13 590 руб. [103, л. 203].

По замечанию руководства РКЗ № 2, в 1928 г. «не все [они] были на своем месте... Четыре-пять человек вполне ответили своему назначению, а два держали себя и работали плохо». Одновременно отмечалась недостаточная заинтересованность отечественного персонала в освоении сложной техники: «Только 15 русских рабочих старались учиться у американцев, остальные не интересовались» [80, л. 162].

Американцы работали в АКО и в 1930 г. В связи с увеличением числа советских специалистов рыбоконсервного дела, как дипломированных, так и практиков, функции иностранных «спецов» измени-

лись: отныне они вместо непосредственного управления техникой стали играть роль инструкторов и консультантов.

28 апреля 1930 г. член правления АКО промышленный директор А. Я. Шерстобоев обращался к инженеру В. Ф. Киорку и другим специалистам со следующим письмом: «Ставим Вас в известность, что за исключением нашего нового завода в Большерецке, все американские эксперты в этом году должны выполнять только обязанности инструкторов, следить за качеством продукции и не выполнять никакой физической работы. Мы чувствуем, что советские механики теперь достаточно знакомы с работой, регулировкой и починкой машин. Если по каким-либо причинам наше предположение окажется ошибочным, вина за это ни в коем случае не может быть отнесена на Ваш счет или на счет американских экспертов, но Вы и американские эксперты обязаны оказать всю возможную помощь, не останавливаясь перед фактическим выполнением работы, насколько это будет в Ваших силах» [104, л. 111].

По мере укрепления государственной промышленности и роста населения полуострова потребность в иностранцах сокращалась. Директор-распорядитель АКО Б. И. Гольдберг в докладе И. В. Сталину приводил следующие данные об изменении соотношения отечественной и японской рабочей силы на его предприятиях. В 1928 г. на них трудились 3 017 русских и 1 500 японцев, в 1932 г. — соответственно 12 164 и 500. На найме иностранных рабочих в 1932 г. страна сэкономила 466,6 тыс. иен [105, л. 49]. В 1931 г. на предприятиях АКО работали 1 005 японцев [106, л. 30]. После 1932 г. они больше не использовались.

Распределение рабочей силы, задействованной в рыбной промышленности Камчатки в 1930 г. на государственных, кооперативных, частных и иностранных предприятиях, показано в табл. 6.23.

Таблица 6.23

Предприятие	Русские	Японцы	Всего
АКО	8 640	3 206	11 846
Дальгосрыбтрест	1 631	300	1 931
Дальохотсоюз	180	60	240
Всекопромрыбаксоюз	858	510	1 368
<i>Итого:</i>	<i>11 309</i>	<i>4 076</i>	<i>15 385</i>
Люри	2 677	1 893	4 750
Дальрыбобпродукт	3 146	1 524	4 670
Рубинштейн	1 464	864	2 328
<i>Итого:</i>	<i>7 278</i>	<i>4 281</i>	<i>11 748</i>
<i>Всего:</i>	<i>18 596</i>	<i>8 357</i>	<i>27 133</i>
Японские промыслы	—	22 234	22 234
Всего:	18 596	30 591	49 367

Как видно, в отечественном государственном и кооперативном секторах экономики работали 11 309 чел., что составляло 60,1 % от общей русской рабочей силы (18 596 чел.) и 73,5 % от полной численности трудившихся (15 385 чел.). Доля японцев достигала 26,5 % (4 076 чел.). Ведущую роль играло АКО: на него приходилось 46,5 % русских рабочих или 31,8 % от полного числа занятых в отечественной промышленности (27 133 чел.).

Численность персонала на русских частных промыслах достигала 11 748 чел. при заметном перевесе отечественного — 7 278 (62 %) против 4 281 (38 %) иностранного.

Наибольшая численность работавших наблюдалась на японских промыслах: на их долю приходилось 22 234 чел. или 45 % от полного числа занятых, достигавшего 49 367 чел.

Всего на отечественных предприятиях трудилось около 27 тыс. чел. Их перевозка в оба конца стоила 14 520,6 тыс. руб. и требовала 18 пароходов (по 1 500 чел. на каждом) [107, л. 28—29].

Численность иностранцев на советских промыслах стала снижаться после начала деятельности государственных предприятий. Так, по договору с управлением Дальрыбы ОКАРО обязывалось иметь на речных участках не менее двух третей русских рабочих от общего числа, а иностранных — только одну треть. С учетом этого, в 1924 г. в районе Большерецка русских рабочих и служащих, привезенных из Владивостока и приглашенных на месте, было 240, а японцев — 120 чел. Эта же норма действовала в 1927 г. и для ДГРТ.

По замечанию уполномоченного ОКАРО по западной Камчатке в 1924 г. К. И. Воронова, полное прекращение использования японцев могло иметь самые неблагоприятные последствия, во-первых, из-за низкого качества ввозимой отечественной рабочей силы, во-вторых — из-за недостаточного количества в отдельных районах местного трудоспособного населения. «Нет сомнения, что если бы ни это обстоятельство, везде количество рабочих на промыслах было бы чрезвычайно ограничено. Могут утверждать, что это нельзя объяснить дороговизной русских рабочих по сравнению с японскими; правда, хотя японцы и обходились в сезон на 50 руб. дешевле, но все-таки при свободной конкуренции японским рабочим рыбопромышленники отдали бы предпочтение».

Доставляемые с материка отечественные неквалифицированные рабочие зачастую не умели, а иной раз — и не желали трудиться. Среди них присутствовало много случайной публики. Японцы же, по словам

Воронова, были «полны инициативы. Они работают головой. Если у них встречается какое-либо препятствие в работе, они бросаются друг к другу на помощь, соображая как лучше и скорее устранить препятствие. С японцами, если уметь ладить, легко работать. Бывает, что тот или другой руководитель работы на промыслах забывает отдавать вовремя необходимые распоряжения. Сплошь и рядом японцы сами исправляют ошибку руководителя, и дело делается без всяких приказаний. Конечно, русский рабочий ошибок руководителя не исправит, по крайней мере мне этого не приходилось наблюдать».

Еще одной причиной неудовлетворительной работы русских признавался неудачный коллективный трудовой договор, заключенный на сезон 1924 г. между рыбопромышленниками и Союзом пищевиков. Его главной ошибкой являлось установление вместо сдельной оплаты труда сверхурочной. «...У рабочего не было никакого побудительного стимула так или иначе торопиться: отработав восемь часов, он заботился, чтобы работа оставалась и на сверхурочные».

Совместная работа русских и японцев имела и такую сторону: первые оказывали на вторых «развращающее влияние». Японцы «довольно быстро начинают усваивать отрицательные стороны первых, и уже на русских промыслах японский рабочий далеко не тот, что у своего капиталиста».

Все сказанное выше касалось только чернорабочих. Квалифицированные же русские плотники, бондари и икрянщики не уступали в умении и способностях японским специалистам. В целом рыбопромышленники полагали, что «при мало-мальски сносных условиях работы русского рабочего (хотя бы на суше) по сравнению с японским, мы всегда отдадим предпочтение русскому... Необходимо делать подбор рабочих, направляющихся на Камчатку, всякий же безработный, конечно, далеко не всегда может нас удовлетворить...».

Выходом из сложившейся ситуации могло стать использование местного населения. Но прибегнуть к его помощи можно было далеко не всегда и не везде, в первую очередь из-за его малочисленности. Правда, положение в этой области в 1920-х гг. начало меняться: на полуострове стали закрепляться переселенцы. Естественно, что привлечение местных жителей было выгодно хотя бы только из-за уменьшения расходов по перевозке людей и платы им за время нахождения в пути.

«Это мертвое время, когда рабочие ничего не делают, составляет 50 % от всего сезона... Одним словом, местный рабочий обойдется нам вдвое дешевле, чем материковый. К сожалению, на реке

Большой кадр местных рабочих незначителен, а в других местах Камчатки он до сего последнего времени вовсе не существовал» [80, л. 338—340].

Согласно опубликованным 9 октября 1927 г. сведениям об итогах переписи населения Камчатского округа, оно вместе с Анадырским и Чукотским районами составляло 34 269 чел. На громадной территории округа оседло жило всего 20 262 чел. При этом основные рыбопромысловые районы имели: Петропавловский — 2 469, Большерецкий — 2 432, Усть-Камчатский — 3 104, Тигильский — 3 628, Карагинский — 3 262 чел. Население Петропавловска насчитывало всего 1 697 чел. [75, № 78].

И все же, в 1924—1925 гг. считалось, что особой необходимости в завозе на камчатские рыбалки рабочих с материка не было. «Имеющееся в рыбопромысловых районах население в полной мере может обслуживать рыболовные участки и с гораздо большим успехом, чем привозные рабочие. Характеристика привозных рабочих дается Губземуправлением, которое указывает, что рабочий-рыбак на владивостокском рынке исчез, и что отправляемые на Камчатку артели рыбаков фактически зачастую состоят из музыкантов, артистов, канцеляристов, бывших офицеров, чиновников и преступного элемента, избежавшего рук милиции и ГПУ». К тому же, как сообщал в сентябре 1925 г. Г. Хлыновский, они «в большинстве своем по невозможности или неспособности найти себе заработок на материке, не могут удовлетвориться размером получаемого... заработка, внося в среду населения элементы склоки и портят его психологию».

Затраты ОКАРО на перевозку отечественной рабочей силы с материка в 1924 г. в Усть-Камчатск и Большерецк составили 13 550 руб. Большинство приезжавших бежали от нужды — на материке они не могли найти работы. Оказание же подобным способом помощи безработным вело к снижению доходов камчатского населения.

В 1925 г. в Усть-Камчатске из 1 300 рабочих 400 были привезены с материка. «Это число рабочих, в среднем, укрывает одну треть заработка населения... в общей сумме до 110 000 руб... Между тем, население Камчатки имеет гораздо больший опыт в рыбном деле и может принести больше пользы по рыбалкам, чем присылаемые с материка рабочие... Исходя из приведенных соображений, необходимо признать, что дальнейшая присылка на рыболовные участки (исключая японцев) рабочих с материка крайне нецелесообразна и нежелательна...» [72, л. 2—3].

Подобный вывод, справедливый для начала 1920-х гг., утратил актуальность к концу десятилетия в связи с резким увеличением численности государственных рыбопромышленных предприятий, связанных с началом работы АКО. С 1928 г. количество завозимых на Камчатку рабочих рук росло год от года. В 1933 г. на полуостров из Владивостока вышел 21 пароход с людьми. Первый из них отправился в путь 17 марта, последний — 15 июля. В общей сложности они перевезли 16 029 пассажиров, в том числе 14 047 рабочих и служащих и 1 904 иждивенца. Всего на предприятия АКО в этом году были доставлены 9 927 промысловых рабочих, 1 893 ловца, 1 467 квалифицированных специалистов, 55 служащих. Часть приехавших «закрепилась»: назад во Владивосток по окончании сезона вернулись 12 193 чел., в том числе 236 иждивенцев [108, л. 14—16].

Первый коллективный договор между АКО и дальневосточным комитетом Союза пищевой и вкусовой промышленности СССР сроком на один год был заключен в Хабаровске 15 марта 1928 г. Он устанавливал основные условия найма, доставки рабочих на промыслы и обратно, оплату труда. По договору АКО обязалось принимать сезонных работников через вербовочные бюро, организуемые при биржах труда, причем предпочтение среди советских подданных должно было отдаваться членам профсоюза.

Днем найма считался день посадки на пароход во Владивостоке для русских и Хакодате для японцев. В пути русским рабочим для питания выдавались продукты в счет зарплаты, а японцам предоставлялся «готовый стол» из заранее определенного набора продуктов. Не позднее, чем за три дня до посадки на судно, завербованным выдавались на руки расчетные книжки, причем для японских рабочих и служащих их печатали на двух языках: на русском и на родном.

С увольняющихся по собственному желанию ранее окончания сезона на удерживалась стоимость проезда к месту работы, а АКО освобождалось от забот по доставке их обратно к месту найма. Желающие же остаться на Камчатке по окончании сезона могли получить денежное пособие в размере десятидневной ставки.

Расчет с работниками, нанятыми в СССР, производился следующим образом: во Владивостоке за три дня до посадки на пароход они получали аванс в размере полумесячной ставки, затем в течение всего времени работы — продукты в счет зарплаты, а по окончании работ — аванс в размере 30 руб. Семьям, оставшимся во Владивостоке, ежемесячно переводилась сумма, равная половине основной ставки.

Окончательный расчет следовал в срок не позднее трех дней со дня прибытия рабочих с Камчатки.

При задержке с доставкой к месту работы из-за отсутствия парохода или штормовой погоды, завербованным платили основную ставку, бесплатно предоставляли продовольствие, теплую одежду, зимние помещения с освещением и баней. Семьи за время вынужденного отсутствия кормильцев получали половину их заработка.

Основные месячные ставки на РКЗ АКО для русских рабочих на 1928 г. устанавливались в следующем размере, руб.:

- уборщики — 45;
- сторожа — 47,5;
- неквалифицированные рабочие и кашевары — 50;
- операторы станков — 53,6;
- подручные слесарей, молотобойцы — 64,5;
- машинисты транспортеров, кузнецы, слесари и токари третьей руки, жестянщики — 75,5;
- пекари первой руки — 82,5;
- пекари второй руки — 70;
- старшие кочегары, электромонтеры, машинисты водокачки, слесари, кузнецы и токари второй руки — 86,75;
- электромонтеры, слесари, токари и кузнецы первой руки, машинисты и мотористы — 98;
- ученики первого сезона — 30, второго — 36,5.

Оклады руководящего персонала РКЗ АКО определило 5 апреля 1928 г. Управляющие заводами № 1, 2 и 3 получали во Владивостоке 225—250, на Камчатке — 300—350 руб. в месяц. Месячный оклад их помощников во Владивостоке составлял 200—225, на промыслах — 250—325 руб. [80, л. 118].

Нормы выработки для рабочих на ставку за восьмичасовой рабочий день были равны (в штуках):

- выкидчик из кунгасов и лодок: кеты — 3 250, горбуши — 6 500;
- резчик горбуши колодкой без жабровки — 2 215;
- резчик кеты колодки без жабровки — 1 000, с жабровкой — 750;
- мойщик кеты — 970, горбуши — 2 000;
- засольщик кеты в чанах — 1 000, японским посолом — 900.

Для японского персонала ставки назначались в иенах. Их размер составлял:

- сторожа и уборщики — 32;
- повара и промысловые рабочие — 35;

- береговые рабочие — 40;
- старший рабочий (пристани, обработки, береговой) — 45.

Кроме этого, японцы пользовались «готовым столом» стоимостью 12,5 иен в месяц и некоторыми товарами «натурой». За каждую тысячу обработанных рыбин, начиная от момента их поступления на берег и кончая укладкой готовой продукции в бочки или ящики, кроме основной ставки они получали куичи в размере, иен:

- за горбушу, засоленную японским способом — 3,5;
- за горбушу, засоленную русским способом — 5;
- за кету японского посола — 15, русского — 20;
- за пуд икры — 25, за подноску пуда икры к икрянке — 0,05;
- за выгрузку пуда соли — 0,02.

Куичи для рабочих морских промыслов устанавливались за каждые 100 коку продукции в объеме:

- для горбуши японского посола — 50, русского — 60 иен;
- для кеты японского посола — 80, русского — 90 иен;
- за обработку икры японским посолом (за пуд) — 5 сен;
- за разгрузку пароходов — 2 сены с пуда.

Куичи выдавались за всю рыбу, обработанную во время как нормального рабочего дня, так и сверхурочно. Они распределялись японской администрацией между рабочими пропорционально размеру их основной ставки. Людей, получавших куичи, нельзя было переводить на работы, за которые их выплата не предусматривалась [109, л. 4—20].

Первые два сезона работы советских РКЗ показали, что для того, чтобы предприятия действовали эффективно, их следовало укомплектовать квалифицированными работниками и обеспечить приемлемую для них заработную плату. Здесь можно было воспользоваться опытом японских конкурентов из Ничиро, стремившихся всячески привязать к своим предприятиям постоянный персонал.

Японцы, по словам Бурьгина, стремились закрепить «определенный кадр рабочих». По окончании сезона каждый из них получал определенную плату, а после каждого следующего помимо нее, еще и премию, размер которой зависел от квалификации и выслуги. «У нас этого нет, у нас нет еще квалифицированных рабочих, которые могли бы работать на консервном заводе», — отмечал он осенью 1928 г.

Тем не менее, он не рассматривал в качестве источника постоянной рабочей силы население, проживавшее, например, рядом с Озерновским РКЗ и сдававшее ему добытую рыбу. Оно жило весьма

зажиточно. «...Такого населения, как в Озерновском я не видал никогда, — сообщал Бурыгин. — Это помещики в буквальном смысле слова — имеют хорошие постройки, запасы разных товаров, материалов, продуктов. Этот помещик был бы хорош, если он был хорошим работником, но дело в том, что он не любит работу и не хочет работать». Так в его словах прозвучал характерный для конца 1920-х гг. мотив.

Интересно, если бы население не любило работу и не хотело работать, то откуда бы возникло его благосостояние? Может быть его за годы хозяйствования на р. Озерной «разбаловал» капиталист Грушецкий? Видимо, дело заключалось в том, что независимый рыбак мог диктовать заводу (а в его лице государству) цены на сдаваемую рыбу и свой труд, чего теперь допускать никто не собирался. «Вообще надо сказать, что по отношению к населению нужно принять серьезные меры, чтобы его оздоровить, так как если это население будет существовать без новых людей, нашему заводу будет туго, крестьяне будут нам диктовать».

Правда, тут же Бурыгин признавался, что при существующих базовых ставках на оплату рядовых рыбообработчиков в 50 руб. «хороший рабочий не пойдет, а пойдет отброс. Консервное дело настолько выгодно, настолько денежное, что Правлению в оплате рабочих жаться нельзя. Если Правление не покусится на большую оклад, то мы сможем завербовать хороших рабочих». Он полагал, что начальная ставка на всех АКОвских РКЗ должна быть не ниже 100 руб.

Это мнение разделяли многие АКОвцы, также считавшие, что «...50 руб. ни в коем случае не может удовлетворить рабочего, и мы ставим вопрос о том, чтобы заинтересовать рабочих. Надо суметь закрепить рабочих, которые поработали на одних станках» [80, л. 167].

Для подготовки же «хороших рабочих» они полагали, что их следует отправлять за границу, «в частности, — в Америку, иначе мы с консервным делом будем идти в хвосте». Соседи-японцы это практиковали давно. «Надо заметить, что у них есть свои “американцы” — японцы-молодежь, знающие немного английский язык, работавшие в Америке, и теперь инженеры». (Похоже, что до организации зарубежных стажировок дело не дошло. Во всяком случае, материалов об этом автору выявить не удалось).

Пока же рост численности отечественной квалифицированной рабочей силы В. И. Волков оценивал как «один процент только». В 1928 г. он отмечал, что пока лишь отдельные механики могут самостоятельно

справиться с оборудованием заводов. Бурыгин сомневался в том, что американские специалисты смогут подготовить достаточное количество обученного персонала. Здесь он был солидарен с Волковым в том, “что не все рабочие интересуются делом...”

О принятии мер по закреплению слесарей и бригадиров на консервных заводах и владивостокской жестяно-баночной фабрике распорядился председатель правления АКО С. П. Нацаренус. «Мы сделаем все, чтобы сохранить квалифицированную рабочую силу», — заявил он [80, л. 162—166, 171—172]. С целью ее подготовки и закрепления было уделено внимание развитию ученичества. Количество учеников на предстоящий сезон 1929 г. в соответствии с коллективным договором между АКО и Союзом пищевиков определялось как 4% от общей численности рабочих, завозимых из СССР. При этом их треть должна была состоять из местных жителей, а остальные две трети — набираться во Владивостоке с жестяно-баночной фабрики, биржи труда и рыбзавуча. Распределение рабочих и учеников на РКЗ АКО представлено в табл. 6.24.

Таблица 6.24

Наименование РКЗ	Предполагаемое кол-во рабочих из СССР	Кол-во учеников
Усть-Камчатские № 1 и 2	818	33
Озерновский № 3	110	4
Кихчик-Кольский № 4	320	13
Всего:	1 248	50

Всего же численность рабочих на предприятиях и промыслах в сезон 1929 г. должна была насчитывать 2 208 чел., в том числе 88 учеников. Для их подготовки были разработаны особые программы, охватывавшие как знакомство с основными производственными процессами, так и составляющими их отдельными операциями [102, л. 26, 95].

В сезон 1927 г. на усть-камчатском РКЗ ДГРТ и промыслах применялась повременная оплата труда. Ее быстро признали неэффективной. Лучших результатов ожидали от внедрения японской системы. «Необходимо создать рабочему стимул: надо перейти к сдельщине или к какой-нибудь премиальной системе, заинтересовать в большом количестве выпуска доброкачественной продукции. Надо применить ту систему, которая у Ничиро — оплата с ящика, жалование небольшое, но премия большая. Для каждого надо проработать плату и ввести в договор» [80, л. 162].

Систематического наблюдения за производительностью труда в 1927 г. не велось. По имевшимся данным время, затрачиваемое япон-

цами на различные операции по обработке рыбы, в среднем, составляло: разделка кеты с жабровкой — 21,3, чистка — 10,5, мойка — 11,4, засолка рыбы японским посолом — 21,8 секунд. Показатели средней выработки ловцов установить возможным не представлялось: она не поддалась точному учету и целиком зависела от природных условий.

Детальное изучение длительности основных операций на заводах АКО началось в 1928 г. Им занимался хронометражист А. Некрасов. Полученные им результаты позволили выявить имеющиеся резервы повышения производительности труда и эффективности использования оборудования и в последующие сезоны привели к заметному улучшению работы предприятий.

В 1929 г. эта работа была продолжена: правление АКО решило пригласить «для научно-технического учета трудовых процессов старшего хронометражиста для обслуживания РКЗ № 1 и 2 и... хронометражиста для обслуживания завода № 4». Их направили в Усть-Камчатский и Кихчик-Кольский районы с заданием изучить производительность труда рабочих для установления обоснованных норм выработки и выяснения возможности замены японской рабочей силы отечественной [80, л. 44 об.; 110, л. 28].

Наймом отечественной рабочей силы и ее доставкой на полуостров занималось специальное подразделение АКО — Вербовочное бюро (Верббюро). Сеть его пунктов была разбросана по всей стране, в первую очередь — по традиционным рыболовецким регионам (Астраханской области, Азово-Черноморскому краю и прочим). Масса людей, не имевших никаких навыков работы на рыбных промыслах, ввозилась из центральных областей СССР. Часть из них ломала привычный образ жизни, спасаясь от нужды.

Вот документ, составленный 27 марта 1933 г., характеризующий материальный достаток завербованных. Похоже, что не последнюю роль в том, что они дали согласие ехать на далекую суровую Камчатку, сыграл денежный «задаток». «Мы, нижеподписавшиеся, вербовщик АКО Батраков, член Борского сельсовета Сухов в присутствии завербованных рабочих села Алексеевки Давыдова и Федянина, составили настоящий акт в нижеследующем. Гражданка села Несмеяновки Разгоняева Мария Васильевна завербована АКО в качестве промрабочего и получила аванс в сумме 25 руб., которая самовольно взяла иждивенца одного человека. Согласно заключенного договора, гражданка Разгоняева одна без иждивенца ехать отказалась, от уплаты взятых ею аванса отказалась. О чем и составили настоящий акт.

При описи имущества у нея оказались следующие вещи: муки 18 фунтов, ржи 12 фунтов, каковые временно задержаны».

А вот еще одно свидетельство от 28 марта 1933 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, вербовщик АКО Батраков, от Борского сельсовета тов. Медведев, в присутствии завербованных рабочих Григорьева и Захарова, составили настоящий акт в нижеследующем. Граждане села Несмеяновки Борского района Долгих Павел Степанович и Долгих Матрена Алексеевна, завербованные АКО в качестве промрабочих, которые самовольно взявшие семью и иждивенцев четыре человека и получившие аванс в сумме 150 руб., гр. Долгих, не желающие ехать без иждивенцев согласно договора, возратить вышеуказанную сумму 150 руб. отказываются, на что и составлен настоящий акт. При описи имущества на месте у Долгих такового не оказалось» [108, л. 34, 35].

Набор отечественной рабочей силы обычно начинался в феврале и длился до самого конца весны. К началу апреля первые работники начинали прибывать во Владивосток. Так, в апреле 1934 г. АКО завербовало 1 703 чел., из них во Владивостоке уже находилось 400.

Средняя численность работников АКО в 1934 г. составляла 15 846 чел. Из них 10 466 трудились в рыбной промышленности и 5 380 на прочих производствах. Наиболее крупными предприятиями являлись Кихчкский и Озерновский комбинаты (1 469 и 1 026 чел. соответственно), а также подразделения владивостокской конторы, в которых вместе с персоналом ЖБФ работали 2 636 чел. Аппарат дирекции АКО в Петропавловске насчитывал 208 сотрудников. В 1934 г. на зимовку в комбинатах АКО остались 7 050 чел. (то есть почти половина завербованных), в том числе в Анадыре — 369 и в Охотске — 378. Наибольшее число работников зимовало в Озерной (741 чел.) и Олюторке (617 чел.) [111, с. 42, 49].

В 1935 г. набор и завоз людей на Камчатку шел значительно успешнее. К 10 апреля завербованных насчитывалось 9 612 чел. Из них во Владивосток следовали 2 023, ожидали здесь посадки на суда 4 460, а в комбинаты уже отправились 1 331 чел. Первые три десятка пассажиров прибыли на Камчатку в конце марта 1935 г. на Авачинский рыбокомбинат на пароходе «Симферополь». За ним в апреле последовал «Шатурстрой». Он доставил: в Ичу 250, в Крутогорово — 350, в Пымту — 200, в Кихчик — 400, в Воровское — 100 чел. [111, с. 17].

Многолетний систематический вывоз рабочей силы из различных регионов страны привел к сокращению числа местных рыбаков. Они, отправлявшиеся на сезонную работу на Дальний Восток из

Азово-Черноморского бассейна, назад почти не возвращались, оседая на новом месте. Противодействуя этому, администрации некоторых районов бассейна (Новороссийского, Ейского и Таганрогского) пытались «затормозить отход ловцов».

В 1936 г. в Новороссийском районе «имели место случаи выделения и посылки к нашему пункту вербовки наряда милиции, в задачу которого ставилось препятствовать заходу к нам рабочих, желающих вербоваться на Камчатку». Тем не менее, вместо ожидаемых 800 чел. здесь завербовали 946, но план по ловцам невыполнили: вместо 650 их отсюда выехало только 530. Аналогичное положение наблюдалось и в Сталинградском крае. Здесь местные власти прямо вербовке не препятствовали, но нанять требуемое количество людей также не позволили. Сокращено было и число ловецких районов, где разрешалось проводить набор.

«Особенные препятствия, даже своего рода враждебное отношение к вербовке АКО, мы встречали в Енотаевском районе и в Астрахани, где местными органами власти уже ставился вопрос о выселении нашей вербовочной конторы из города в Харабалинский район, что, несомненно, не только бы затруднило бы, но даже привело бы к полному срыву всей нашей вербовочной работы».

А вот в Западной Сибири, наоборот, «вербовка в этом году (1936 г. — С. Г.) сопровождалась исключительно благоприятными условиями и помощью со стороны краевых организаций». Здесь АКО пользовалось авторитетом, поэтому перевыполнило план набора на 22,1 % (вместо 1 800 чел. приняло 2 223), 174 чел. отправились на его предприятия на постоянную работу, заключив трехгодичные договора.

В этом регионе «была поставлена задача переклечения рабсилы, главным образом, на сельские местности, так как в прошлые годы рабочие набирались, по преимуществу, в городах». Особенностью местной вербовки являлось то, что отсюда, в отличие от европейской части СССР, вместе с рабочими на Камчатку отправлялось немного домочадцев: 2 223 работника захватили с собой всего 61 члена семьи. АКО с удовлетворением отмечало, что «такой незначительный процент иждивенцев значительно удешевляет плановую стоимость вербовки одного рабочего по этому краю» [110, л. 52—53].

Давших согласие ехать на Камчатку ждала долгая дорога: время их нахождения в пути нередко превышало два месяца. Вот как была организована доставка людей на полуостров в 1936 г. План завоза рабочих на 1936 г. московская контора АКО получила в октябре 1935 г.

В соответствии с ним, на Камчатку предполагалось доставить 13 644 чел., из них 1 644 — с Дальнего Востока, а 12 000 — из Сибири и центральных районов СССР. В декабре 1935 г. заявка на рабочую силу была увеличена. Теперь только для Рыбного управления требовалось 12 360 чел. В ноябре 1935 г. заявки были представлены в комиссию при СНК РСФСР, которая определила потребную численность рабсилы в 9 900 чел. 10 марта 1936 г. СТО утвердил этот «контингент».

16 января 1936 г. комиссия СНК дала разрешение начать вербовку. По ее нарядам в Восточной Сибири следовало нанять 1 000, в Красноярском крае — 400, в Западной Сибири — 1 800, в Куйбышевском крае — 3 500, в Сталинградском крае — 2 400, в Азово-Черноморском крае — 800 чел. Всего вместо 9 900 чел. набрали 9 117.

Первые два эшелона с людьми двинулись во Владивосток по железной дороге 18 и 22 февраля 1936 г. В дальневосточную столицу к лету 1936 г. прибыло в общей сложности 9 066 чел. [112, л. 49—50]. Для их перевозки сформировали десять эшелонов. Их возглавляли шесть начальников. Политуправление НКПП СССР выделило эшелонам для обучения, проведения воспитательной работы и политического руководства шестерых комиссаров и руководителей техникумы.

Завербованных 9 117 чел. сопровождали 2 479 иждивенцев (в том числе 1 354 ребенка), то есть 27,2 % от числа работников. Во Владивостоке по медицинским причинам отселилось около 60 чел. Обратного отсюда пришлось опрavit троих с сердечными заболеваниями, шестерых с малярией, троих с туберкулезом, четверых с венерическими болезнями, двоих нервнoбольных, одиннадцать с грыжами и т. д. [110, л. 54]. Этот факт свидетельствовал о том, что врачебные комиссии на местах не уделяли достаточного внимания медосмотру людей, отправлявшихся в столь дальний путь.

Сложности с отправкой эшелонов возникли из-за несвоевременного получения средств от Госбанка. Из-за позднего перевода денег едва не была сорвана отправка из Сызрани последнего, самого большого состава, насчитывавшего 1 550 чел. По плану он должен был отправиться 28 апреля 1936 г., но первый перевод в сумме 300 000 руб. пришел только 27 апреля. В результате рабочие не получили авансов. Части из них выдали деньги уже в пути, часть догоняла эшелон пассажирскими поездами. В ряд районов средства не поступили «вследствие наступления Первомайских праздников», поэтому более 200 чел. ехали до Новосибирска за свой счет. Здесь только на девятый день после отправки уполномоченный АКО выплатил положенные им 70 000 руб.

Такое несвоевременное финансирование, по мнению представителей АКО, «могло сорвать отправку, так как рабочие... могли просто отказаться от посадки... Завербованные рабочие могли разойтись в пути следования, что привело бы АКО к большим материальным убыткам». Отсрочка отправки вагонов вызвала их простой, за который АКО пришлось уплатить штраф в размере 6 230 руб. [110, л. 55].

Эшелоны с рабочими включали сравнительно неплохо оборудованные вагоны-изоляторы, лавки, клубы. Руководящий состав следовал в спецвагоне, в котором также находилась канцелярия. Отправку составов затруднило сокращение числа предоставляемых вагонов: в феврале их подали только 80 вместо 97, а в марте — 160 вместо 226. Три вагона в пути вышли из строя: у них полопались оси.

В среднем, в каждом вагоне размещались по 28 чел. Время в пути люди коротали, посещая вагон-клуб, кроме него работал «особый актив культурников из самих рабочих непосредственно по вагонам». Эшелоны снабжались газетами, литературой политического и просветительского характера и беллетристикой, настольными играми, музыкальными инструментами и патефонами. Во всех эшелонах выходили стенные газеты и действовали самодельные хоровые и музыкальные кружки. В первом и втором эшелонах проводилась техническая учеба.

«Методы культмассовой работы во всех эшелонах были почти одинаковыми и почти не отличались от обычной работы в этом направлении прошлых лет. Исключением из этого был эшелон № 7, где под руководством и при непосредственном участии помощника по политической части начальника эшелона тов. Заонсохова в эту работу было внесено новое. За путь следования эшелона был организован санитарный кружок, которым подготовлено и выпущено шестьдесят значкистов ГСО. Все до одного в этом эшелоне вагоны участвовали в соцсоревновании и 80 % рабочих были охвачены индивидуальным соревнованием, объектами которого были борьба за чистоту и порядок, дисциплинированность, изжитие пьянства, выпивок и ругани и т. д.»

Время следования поездов до Владивостока достигало месяца. Люди питались на определенных станциях по талонам Главного управления буфетов транспорта Наркомата внутренней торговли СССР. «Организация такого горячего питания... является чрезвычайно важной и политически ответственной задачей. В условиях зимнего следования такое питание особенно необходимо. Однако надо прямо сказать, что за небольшим исключением, обеды не заслуживают удовлет-

ворительной оценки. Очевидно, лозунг “Жить стало лучше, жить стало веселей!” еще полностью до станционных буфетов не дошел. Администрация буфетов совершенно забывает, что в настоящее время при возросшей зажиточности колхозников и рабочих их нельзя кормить “по старине” стандартными обедами 1932—1933 гг. с весьма низким качеством и неудовлетворительными вкусовыми ощущениями».

Плохое качество пищи стало причиной массового отказа от этих «стандартных обедов». Из розданных московской конторой АКО 207 тыс. талонов 130,9 тыс. (то есть 63%) было возвращено обратно.

Медицинское обслуживание людей в пути проводилось во включенных в состав эшелонов санитарных вагонах. За все время следования десяти составов в пути из-за несчастных случаев погибло восемь пассажиров. Четырнадцать заболевших сняли с поездов и поместили в железнодорожные больницы.

Прием прибывающих во Владивосток не всегда проходил гладко. Несмотря на то что о каждом отправляемом эшелоне здешнее верббюро своевременно извещалось по телеграфу, поселенческий лагерь на Второй Речке оказывался не подготовленным к приему приезжавших. Зачастую их встреча и размещение носили настолько безобразный характер, что вызывали многочисленные коллективные жалобы, адресованные местным органам власти и даже в Москву — самому наркому пищевой промышленности А. И. Микояну.

Представители владивостокской конторы АКО не встретили ни один эшелон. По прибытии на Вторую Речку рабочие вынуждены были несколько суток ночевать под открытым небом на морозе или под дождем. В результате этого люди заболели. Возмущенный происшедшим рабочий Леун обратился в московскую контору АКО и в газету «Правда» с письмом, в котором он так охарактеризовал условия своего пребывания в переселенческом лагере: «Проведя четыре дня на сырой земле... я заболел ангиной, гриппом, сильно простудился. Место в палатке мне не предоставили ввиду переполнения. Центральная поликлиника признала у меня острый ревматизм рук, ног и поясницы».

Все начальники эшелонов отмечали «исключительно безобразный прием рабсилы и неприятие своевременных мер к размещению рабочих по баракам и палаткам» [112, л. 49—59].

Дальнейший путь на Камчатку из Владивостока продолжался на судах АКО или ДВГМП. Вот несколько эпизодов, характеризующих условия морской перевозки. Погрузка пассажиров на пароход АКОфлота

«Эскимос» началась 8 мая 1936 г. В твиндеках судна, предварительно окуренных для дезинфекции хлорпикрином, были установлены нары на 800 чел. В четыре часа утра Верббюро начало подвозить людей из пересыльного лагеря «Рыбак» в порт на автотранспорте.

Их начали размещать на судне в 11 часов вечера, посадив за ночь в три твиндека 750 чел. Посадка в твиндек первого трюма не производилась из-за того, что в нем обнаружили ядовитый газ. В ходе сумбурной посадки часть семей оказалась разобчена: выяснилось, «что муж сел на пароход, а жена осталась на берегу, и наоборот». Из-за этого, а также из-за неготовности документов, уполномоченный пограничного отряда не разрешил судну отход и снял пограничников с трапа, отменив дальнейшую посадку. Оставшиеся на пирсе 500 чел., чтобы не ночевать под открытым небом, самостоятельно поднялись на пароход.

Утром 9 мая всех пассажиров высадили обратно на причал. После осмотра судна днем началась повторная посадка. В этот раз из-за неразберихи на борту «Эскимоса» вместо ожидаемых 800 чел. оказалось 1 108. Построенных нар всем не хватило. «Такое положение принудило администрацию парохода и комбинатов, в частности Олюторского, и весь политсостав пассажиров изыскивать более подходящие места для расселения рабочих. Для этой цели пришлось строить нары в просветах и других свободных местах».

В 8 часов вечера 9 мая пароход отошел на рейд для приема горючего и других грузов, погрузка которых производилась в течение суток. Вечером 10 мая «Эскимос» снялся за бункерным углем в Находку, несмотря на то, что его можно было получить во Владивостоке. В Находке 600 т угля, необходимые для перехода в Петропавловск, грузили с 11 по 14 мая. Затем пароход, на борту которого находилось громадное число людей, отправился в б. Витязь за водой. Здесь он простоял до вечера 16 мая, пока не вышел на Камчатку. На все это затратили восемь суток при том, что продукты для пассажиров были выделены на двадцать пять из расчета на 800 чел. В этом проявилась безответственность владивостокской конторы АКО.

Переход до Петропавловска длился одиннадцать суток. Невероятная скученность людей в твиндеках имела последствиями антисанитарное состояние и вспышки инфекционных заболеваний. Несколько малолетних детей скончались во время рейса. При расследовании этого происшествия выяснилось, что дети были посажены на пароход из карантинного барака Верббюро АКО в поселке «Рыбак», не пройдя положенного срока карантина [113, л. 2—3, 7].

Описанные события не являлись чем-то исключительным. Вот как характеризовались в докладе начальнику политсектора АКО А. Р. Орлинскому условия морской перевозки людей в Кихчик-Кольский комбинат в том же 1936 г.: «Посадка же и проезд на Камчатку на пароходе поставлена отвратительно. На “Шатурстрое”, когда он шел в Митогу, было около 2 000 пассажиров, находившихся в трюме. Во время плавания в течение девяти дней штормило. Из-за тесноты и качки люди валялись в своих рвотных испражнениях друг на друга. Из трюма несся кислый запах. Питьевая вода давалась на 50 % с соленой. Основным питанием была треска-клипфикс. В довершение всего, на палубе были устроены походные кухни рядом с бочками горючего. Загорелась кухня — затушили. Но могли бы погибнуть и пароход, и народ. Такая езда озлобляет людей. Люди устают от таких переездов. Производительность труда в первые дни после их прибытия на промысла ничтожна. Прибывших к месту работы рабочих размещают по палаткам и баракам с двойными нарами. Теснота, клопы, вши, отсутствие дезинфекционных средств явление неизбежное. Публика, прошедшая “огонь, воду и медные трубы”, быстро приспособляется к обстановке, но культурный рабочий только и мечтает отбыть сезон и уехать восвояси...» [114, л. 40].

Некоторые выводы из случившегося были сделаны, морская перевозка людей в следующем сезоне оказалась более упорядочена. 5 января 1937 г. был утвержден «контингент», который следовало завербовать на начавшийся год. Его численность составила 11 150 чел., из которых на рыбную промышленность приходилось 9 150 чел. [110, л. 13].

На перевозку пассажиров между Верббюро и АКОфлотом заключались договоры. Чтобы вовремя доставить людей на комбинаты и предотвратить практику «продолжительной задержки транзитных рабочих во Владивостоке», начальник АКОфлота В. М. Слободенюк обязывался «под личную ответственность специально для перевозки транзитных рабочих в 1937 г. выделить два парохода... соответственно оборудованных нарами, кухнями и прочими службами...»

Помимо двух специальных пароходов, начальник АКО обязывал АКОфлот на каждом его судне, шедшем на Камчатку, перевозить людей в оборудованных твиндеках. Для постройки нар управление снабжения АКО должно было без задержек отпускать лес и гвозди. Их стоимость относилась на счет комбинатов, на которые следовали люди.

«В целях обеспечения лучшего обслуживания рабочих в пути следования Владивосток — Камчатка предлагаю начальнику АКОснабторга...

организовать на все пароходах... общественное питание и продажу продуктов первой необходимости за наличный расчет... Начальнику вербовочной конторы вменяю в обязанность заблаговременно выделять из числа едущих рабочих необходимый штат поваров и обслуживающих кухню рабочих. Оплату этих рабочих производит АКОснабторг по существующим ставкам...»

С учетом того, что поселок Рыбак не мог полностью обеспечить транзитных пассажиров жилплощадью, Верббюро обзавелось своим палаточным жилфондом из 250 небольших палаток общей вместимостью 2 500 чел. В Петропавловске оно должно было в 1937 г. построить общежитие на 150 транзитных пассажиров [110, л. 17—20].

Создание на Камчатке сети отечественных РКЗ характеризовало новый этап экономического развития полуострова. Он ознаменовался, во-первых, повышением качества производимых товаров, вызванным переходом от выпуска соленой продукции к производству качественных консервов, во-вторых, — появлением предприятий, способных конкурировать на международном рынке с иностранными фирмами. Их деятельность, вне зависимости от формы собственности, имела ряд общих черт. Для всех предприятий были характерны недостатки в организации материального учета, а также неотрегулированная оплата за сдельную и хозяйственную работу, осложнявшая взаимоотношения с русскими и японскими рабочими.

Сезонность работы заводов создавала сложности с их пуском к началу пугины. Своевременность доставки рабочей силы и необходимых материалов в значительной степени зависела от оперативности работы транспортного флота и природных условий. Впервые на зиму рабочие были оставлены осенью 1930 г. на РКЗ № 1. Они ловили сельдь, ремонтировали помещения, оборудование и плавсредства. Для остающихся в августе 1930 г. началось строительство двух помещений. Штат на зимнее время был определен в 166 чел. [92, л. 56]. Так началось преодоление сезонности работы камчатских заводов и промыслов.

На ритмичности работы предприятий сказывалось отсутствие возможности запастись сырец, добываемый во время рунного хода, впрок в мороженом виде. Недостаточная производительность заводов, не позволявшая перерабатывать всю выловленную рыбу в консервы, заставляла часть ее засаливать, при этом заведомо понижая ценность продукции, или сдавать улов иностранным фирмам. Необходимость постройки берегового холодильника емкостью до 300 000 шт.

лососей стала ясна уже в 1929 г. Однако первые действующие холодильники на предприятиях АКО появились только к началу 1940-х гг.

Недостаток квалифицированной местной рабочей силы требовал ее сезонного завоза, в том числе, и из Японии. Подбор рабочих и служащих зачастую был неудачен. Первые годы работы отечественных заводов позволили подготовить местные кадры и сократить численность привозимых советских и японских сезонных рабочих. Лов рыбы на морских участках силами отечественных рыбаков начался в 1930 г. Завоз на Камчатку иностранцев прекратился в 1932 г.

ИСТОЧНИКИ

1. **Вестник рыбопромышленности**, 1887.
2. Там же, 1888.
3. Там же, 1893.
4. **Рыболовство и законодательство**. — СПб., 1894. — 780 с.
5. **Богданов Д.** Обзор Приморской области. — Владивосток, 1909.
6. **Вестник рыбопромышленности**, 1895.
7. **Танакава И.** Продукты морского промысла Японии. — М., 1975.
8. **Вестник рыбопромышленности**, 1896.
9. Там же, 1892.
10. **Чупахин В. М., Леонов И. Т.** Производство жестяной консервной тары. — М., 1974. — 432 с.
11. **Вестник рыбопромышленности**, 1897.
12. **Слюнин Н.** Водные богатства Приморской области // Вестник рыбобоводства. — СПб., 1895. — 33 с.
13. **Прозоров А. А.** Экономический обзор Охотско-Камчатского края. — СПб., 1902. — 338 с.
14. **Вестник рыбопромышленности**, 1901.
15. **Сильницкий А.** Поездка в северные округа Приморской области. Записки Приамурского отдела РГО. — Т. 6. — Вып. 1. — Хабаровск, 1902.
16. **ЦГА РСФСР ДВ**, ф. 1005, оп. 5, д. 34.
17. **Шмидт П. Ю.** Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 г. // Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского... — М., 1916. — 434 с.
18. **ЦДНИКО**, ф. 19, оп. 1, д. 30.
19. **Материал** по обследованию Охотско-Камчатского побережья в 1925 г. (Труд и быт) — Хабаровск, 1925. — 143 с.
20. **ЦГА РСФСР ДВ**, ф. 702, оп. 1, д. 668.
21. **Материалы** к познанию русского рыболовства. — СПб., 1917.
22. **Сергеев М. А.** Народное хозяйство Камчатского края. — М., 1936.
23. **Унтербергер П. Ф.** Приамурский край. 1906—1910 гг. — СПб., 1912.
24. **ГАКО**, ф. 210, оп. 1, д. 5.

25. **ЦГА РСФСР ДВ**, ф. 1005, оп. 5, д. 62.
26. Там же, ф. 702, оп. 1, д. 669.
27. **Обзор** Камчатской области за 1912 год. — Б. м., Б. г.
28. **Справочная книга** по рыбопромышленности Дальнего Востока. — Николаевск-на-Амуре, 1914. — 142 с.
29. **Западно-Камчатский район** (Отчет смотрителя В. В. Архангельского) // Материалы к познанию русского рыболовства. 1915. — Т 4. — Вып. 7. — Петроград, 1915. — 168 с.
30. **Восточно-Камчатский район** (По отчету смотрителя В. В. Арцишевского) // Материалы к познанию русского рыболовства. 1915. — Т 4. — Вып. 7. — Петроград, 1915. — 168 с.
31. **Азиатская Россия**. — Т. 2. — Земля и хозяйство. — СПб., 1914. — 638 с.
32. **Дербер П. Я., Шер М. Л.** Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока. — М.—Л., 1927. — 300 с.
33. **Три года** советского строительства в Дальневосточном крае (Отчет Дальревкома за 1922—25 год). — Хабаровск, 1926. — 247 с.
34. **Камчатский вестник**. Комплект за 1919 г.
35. **Горовский Б.** Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка. Путевые очерки. — СПб., 1914. — 122 с.
36. **Полярная звезда**. Комплект за 1923 г.
37. **ГАКО**, ф. 210, оп. 1, д. 2.
38. Там же, д. 3.
39. **Флеров В. С.** Строительство советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926 гг.). — Томск, 1964. — 287 с.
40. **Дальневосточный край** в цифрах. — Хабаровск, 1929. — 281 с.
41. **ЦГА РСФСР ДВ**, ф. 1, оп. 4, д. 2212.
42. **Всподданнейший отчет** губернатора Камчатской области действительного статского советника Мономахова за 1912 и 1913 гг. — Б. м., Б. г.
43. **ЦГА РСФСР ДВ**, ф. 702, оп. 1, д. 682.
44. **ГАКО**, ф. 10, оп. 1, д. 4.
45. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 1.
46. **Известия** Камчатского областного народно-революционного комитета. Комплект за 1921 г.
47. **ЦДНИКО**, ф. 19, оп. 1, д. 3.
48. Там же, д. 37.
49. Там же, д. 161.
50. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 168.
51. Там же, д. 167.
52. **Отчет** Дальэконосо экономическому совещанию РСФСР / Под ред. М. И. Целищева. — Хабаровск: издание Дальэконосо, 1924. — 416 с.
53. **Камчатка** в 1923 году. (Обзор Камчатской губернии по данным камчатского губревкома). Приложение к отчету Дальэконосо экономическому совещанию РСФСР / Под ред. М. И. Целищева. — Б. м., 1924.

54. **Полярная звезда.** Комплект за 1926 г.
55. **Рыболовная конвенция** между Союзом ССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами. — М., 1928. — 48 с.
56. **ГАКО**, ф. 10, оп. 1, д. 3.
57. **Камчатские известия.** Комплект за 1918 г.
58. **Камчатский вестник.** Комплект за 1918 г.
59. **ГАКО**, ф. 44, оп. 1, д. 4.
60. **Известия** Камчатского областного исполнительного комитета. Комплект за 1920 г.
61. **ГАКО**, ф. 119, оп. 1, д. 1.
62. Там же, ф. 8, оп. 1, д. 1.
63. **Известия** Камчатского областного исполнительного комитета. Комплект за 1922 г.
64. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 16.
65. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 6.
66. Там же, ф. 132, оп. 1, д. 1.
67. Там же, ф. 210, оп. 1, д. 13.
68. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 4.
69. **ЦДНИКО**, ф. 45, оп. 1, д. 22.
70. Там же, ф. 19, оп. 1, д. 35.
71. Там же, д. 213.
72. **ГАКО**, ф. 31, оп. 1, д. 3.
73. **Камчатка** (1922—1926 гг.). Приложение к отчету Дальневосточного краевого исполкома за 1925—1926 год. — Хабаровск, 1927. — 436 с.
74. **ЦДНИКО**, ф. 19, оп. 1, д. 159.
75. **Полярная звезда.** Комплект за 1927 г.
76. **ЦДНИКО**, ф. 45, оп. 1, д. 124.
77. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 59.
78. Там же, д. 203.
79. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 148.
80. Там же, д. 1.
81. Там же, д. 481.
82. Там же, д. 626.
83. **ЦДНИКО**, ф. 45, оп. 1, д. 106.
84. Там же, д. 169.
85. **Воробьев В. А.** Утилизация рыбных отходов // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 6. — Хабаровск — Владивосток, 1927.
86. **ЦДНИКО**, ф. 45, оп. 1, д. 101.
87. Там же, д. 168.
88. **Советская Камчатка.** — Петропавловск-Камчатский. — 1930.
89. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 135.
90. Там же, д. 294.
91. **ЦДНИКО**, ф. 2, оп. 2, д. 595.

92. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 193.
93. Там же, д. 178.
94. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 9.
95. Там же, д. 2.
96. Там же, ф. 200, оп. 1, д. 4.
97. **Мандрик А. Т.** Политические репрессии в рыбной промышленности Дальнего Востока в 1929—1931, 1937—1938 гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы. — Владивосток, 1997. — 320 с.
98. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 485.
99. Там же, д. 25.
100. Там же, д. 40.
101. Там же, д. 493.
102. Там же, д. 6.
103. Там же, д. 8.
104. Там же, ф. 200, оп. 1, д. 2.
105. **ЦДНИКО**, ф. 45, оп. 1, д. 283.
106. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 33.
107. Там же, д. 19.
108. Там же, д. 690.
109. Там же, д. 4.
110. Там же, д. 67.
111. **Бюллетень АКО** № 2 за 1-й квартал 1935 г.
112. **ГАКО**, ф. 106, оп. 1, д. 74.
113. **ЦДНИКО**, ф. 1, оп. 1, д. 82.
114. Там же, д. 122.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.1

Ведомость о пришедших к городу Петропавловску и отходивших от него в навигацию 1879 года судов, а также о привезенных и вывезенных на этих судах товарах
 [ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 4, д. 560, л. 1—3]

Когда судно пришло и откуда	Какое судно, кто капитан или шкипер	Какой нации и кому принадлежит	Сколько тонн	Сколько на судне команды	С каким грузом, показывая русские товары отдельно от иностранных	На сумму, руб.	Когда и какое судно отправилось	Сколько вывезено пушных зверей и каких именно	На сумму, руб.
1. 15 мая, из Сан-Франциско в Калифорнии	Шхуна "Леон", капитан Джон Блеер, гражданин США	Русское, принадлежит торговому дому "Тотчинсон, Кооль, Филиппеус и К ^о "	674	6 чел.	С разными иностранными колониальными товарами, припасами и пиленым лесом на	2 888,46	7 октября, после плавания к острову Тюленьему в Сан-Франциско в Калифорнии	—	—
2. 20 мая из Сан-Франциско в Калифорнии	Барк "Монтана", капитан Г. А. Петерсон, гражданин США	Американское, принадлежит американскому гражданину Чараку Нотену в Сан-Франциско	656	10 чел.	С разными колониальными товарами и пиленым лесом на	17 758,4	14 июня, в Америку	—	—